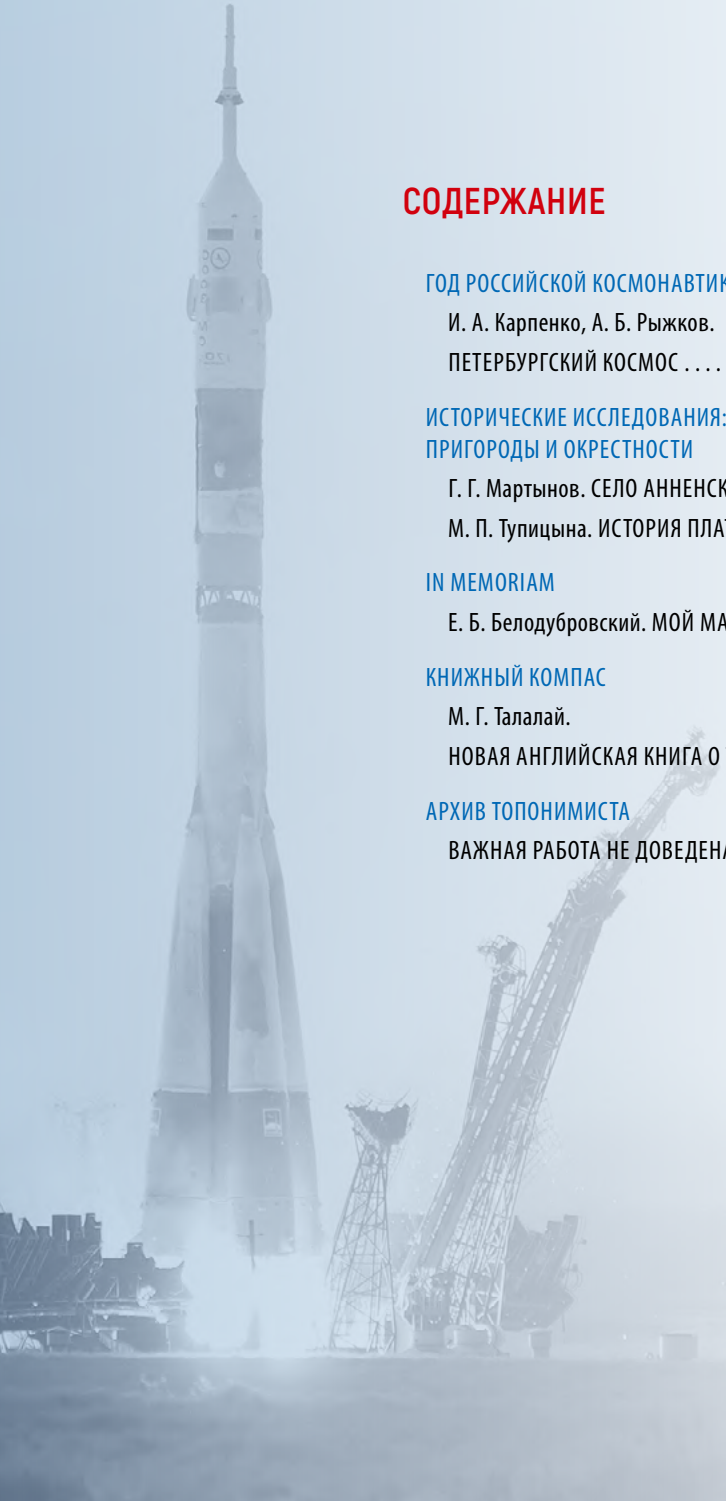


СОДЕРЖАНИЕ

ГОД РОССИЙСКОЙ КОСМОНАВТИКИ

И. А. Карпенко, А. Б. Рыжков.
ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОСМОС 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ПРИГОРОДЫ И ОКРЕСТНОСТИ

Г. Г. Мартынов. СЕЛО АННЕНСКОЕ 12
М. П. Тупицына. ИСТОРИЯ ПЛАТФОРМЫ ДУДЕРГОФ 33

IN MEMORIAM

Е. Б. Белодубровский. МОЙ МАНДЕЛЬШТАМ 46

КНИЖНЫЙ КОМПАС

М. Г. Талалай.
НОВАЯ АНГЛИЙСКАЯ КНИГА О ТОПОНИМИКЕ 50

АРХИВ ТОПОНИМИСТА

ВАЖНАЯ РАБОТА НЕ ДОВЕДЕНА ДО КОНЦА... 55

И. А. КАРПЕНКО, А. Б. РЫЖКОВ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОСМОС

В год 60-летия первого пилотируемого полета в космос хочется вспомнить о том, что нас в Петербурге связывает с космонавтикой. Это и городские топонимы, и произведения искусства, и памятные места, и наши земляки — петербуржцы и ленинградцы — и даже литературные произведения.

Возможно, один из самых «космических» районов города — это Петроградская сторона. Отсюда, с Заячьего острова, начиналась история советского ракетостроения. В Иоанновском равелине Петропавловской крепости в 1932–1933 гг. размещался 2-й отдел Газодинамической лаборатории (ГДЛ). Эта организация с конца 1920-х гг. занималась разработкой ракетных двигателей, в том числе жидкостных — прототипов тех ракет, с помощью которых были запущены в космос и первый искусственный спутник Земли, и корабль «Восток-1».

В Петропавловской крепости находились испытательные стенды ГДЛ. Так как остров в 1920–1930-е гг. принадлежал военным, и вход в крепость для посторонних был закрыт, здесь было удобно проводить запуски ракет. Со временем испытания становились всё более опасными, и их переместили за город, на Ржевский полигон. 2-м отделом ГДЛ с момента его создания руководил будущий академик В. П. Глушко (1908–1989), поэтому Музей космонавтики и ракетной техники, открытый здесь в 1973 г. в День космонавтики, сейчас носит его имя. В 1933 г., когда ленинградская Газодинамическая лаборатория и московская Группа изучения реактивного движения (ГИРД) были объединены в Реактивный НИИ РККА (РНИИ), создатель прославивших советскую космонавтику ракетных двигателей переехал в Москву и начал работать с С. П. Королёвым. Помимо музея, имя В. П. Глушко с 2008 г. носит *аллея Академика Глушко* между Тихорецким проспектом и улицей Академика Константинова в Калининском районе.

Особенность музея в Петропавловской крепости — это коллекция ракетных двигателей. Она представлена в экспозиции, находящейся внутри Иоанновского равелина. Поскольку музей посвящён истории ракетостроения и конструирования летательных

Схема размещения ГДЛ в Иоанновском равелине

аппаратов, перед ним у крепостных стен установлен спускаемый аппарат топографического спутника «Комета», побывавший в космосе в 1990-е гг. Есть в музее и спускаемый аппарат космического корабля «Союз-16» — он находится в самой экспозиции.

Об истории Газодинамической лаборатории напоминает мемориальная доска, установленная на стене Иоанновского равелина в 1969 г. Мраморная мемориальная доска, посвящённая ГДЛ, в 1968 г. установлена и на здании Адмиралтейства, поскольку в 1932–1933 гг. там располагалось конструкторское бюро Газодинамической лаборатории.

Однако началась «внеземная» история Петроградской стороны с… художественной литературы. В 1923 г. был опубликован роман А. Н. Толстого «Аэлита». Именно на Петроградской стороне начинается повествование о полёте на Марс. На улице Красных Зорь (ныне вновь Каменноостровский проспект) корреспондент американской газеты читает объявление: «*Инженер М. С. Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе*». Старт — через четыре дня:

«В пять часов дня на пустыре перед мастерской Лося стал собираться народ. Шли с набережной, бежали со стороны Петровского острова, бубнили, сбивались в кучки, — поглядывали на низкое солнце, пустившее сквозь облака широкие лучи <…>.

В сарае оглушающе грохнуло, затрещало. Сейчас же раздались более сильные, частые удары. Задрожала земля. Над крышей

Ракеты, запускавшиеся в Петропавловской крепости. Экспозиция Музея космонавтики и ракетной техники им. В. П. Глушко

сарая поднялся тупой металлический нос и заволокся облаком дыма и пыли. Треск усилился. Чёрный аппарат появился весь над крышей и повис в воздухе, будто примериваясь. Взрывы слились в сплошной вой, и четырёхсажённое яйцо, наискось, как ракета, взвилось над толпой, устремилось к западу, ширкнуло огненной полосой, и исчезло в багровом, тусклом зареве туч».

Мастерскую инженера-космопроходца писатель разместил у сохранившегося с дореволюционных времён дома 11/1 по Ждановской набережной (непосредственно выходящий на набережную «сталинский» дом 11 был построен уже в 1950-х гг.) Считается, что прототипом, или, по крайней мере, источником фамилии героя «Аэлиты», был авиационный инженер и планерист Ю. Д. Лось-Лосев (1897–1937). В 1920-х он преподавал в Военно-технической школе Красного воздушного флота (впоследствии — Первая высшая школа авиационных техников им. Ворошилова). Это учебное заведение, возникшее в послереволюционные годы, размещалось неподалёку, на Ждановской улице, 13, в зданиях бывшего 2-го Кадетского корпуса, наследника Инженерной школы петровских времен. Толстой в первые годы после возвращения в советскую Россию проживал в доме 1/3 по Малому проспекту, выходящему на Ждановскую набережную, и с этой местностью был знаком не понаслышке. Вот только есть одна странность — свой роман Алексей Толстой писал не на Ждановке, а ещё в Берлине, в эмиграции, и лично инженера Лось-Лосева знать ещё не мог…

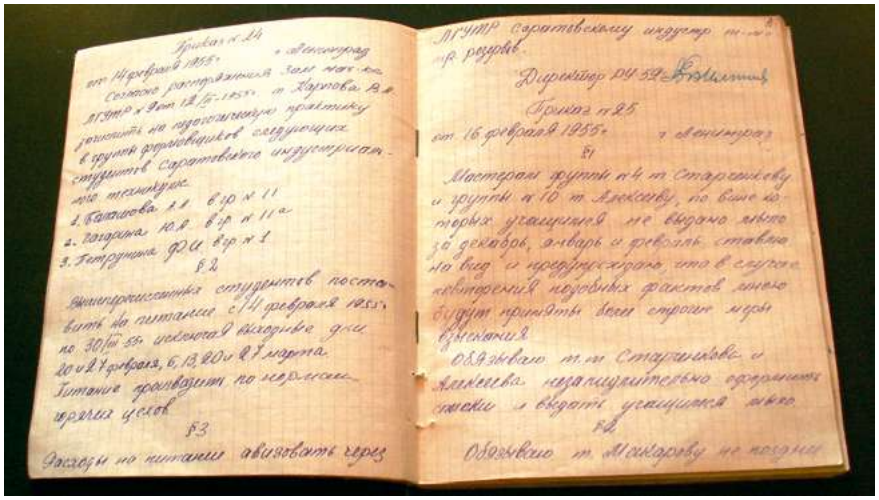
Сейчас на месте авиатехнической школы находится учебное заведение, имеющее самое прямое отношение к космосу, но не мирному, а военному. Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского занимает целый квартал между Ждановской улицей и улицей Красного Курсанта. Это учебное заведение готовит военных инженеров и техников для ракетно-космических войск. На территории академии находятся соответствующие памятники. Так, во дворе установлена модель военного разведывательного космического аппарата «Зенит». Он был одним из многочисленных спутников подобного класса, оснащённых фотоаппаратурой. Огромный металлический шар похож на спускаемый аппарат, в котором на Землю возвращались космонавты.

Первый космонавт Земли также имеет непосредственное отношение к Петроградской стороне. В 1955 г. Юрий Гагарин в качестве студента-литейщика Саратовского индустриального техникума проходил преддипломную учебно-педагогическую практику в ремесленном училище № 52 при заводе «Вулкан», занимаясь с юными формовщиками. Училище располагалось в здании бывшей Введенской гимназии, на углу Малого проспекта, 37 и Шамшевой улицы. Это здание сейчас основательно перестроено, а наследником РУ-52 считается техникум «Приморский», который находится на проспекте Сизова, 15. В 2012 г. в вестибюле техникума появилась памятная доска, посвящённая первому космонавту планеты. На сохранившемся корпусе завода «Вулкан», который тоже находился на Петроградской стороне (Новоладожская улица, 4), в 2011 г. также была установлена памятная доска в честь Гагарина. Сейчас это здание принадлежит фирме GS Group — производителю оборудования для цифрового и спутникового телевидения, так что и тут без космоса не обошлось.

Мемориальная доска ГДЛ на стене Иоанновского равелина

Стоит ли удивляться, что и народное творчество в виде «дворика космонавтов» появилось именно на Петроградской? Два обширных брандмауэра дома 22 по Пионерской улице посвящены покорителям неба и космоса, а роспись выполнили художники-любители из близлежащей «Можайки».

Но городские стены украшали и профессионалы. В 1967 г. на брандмауэре дома 1 по Боткинской

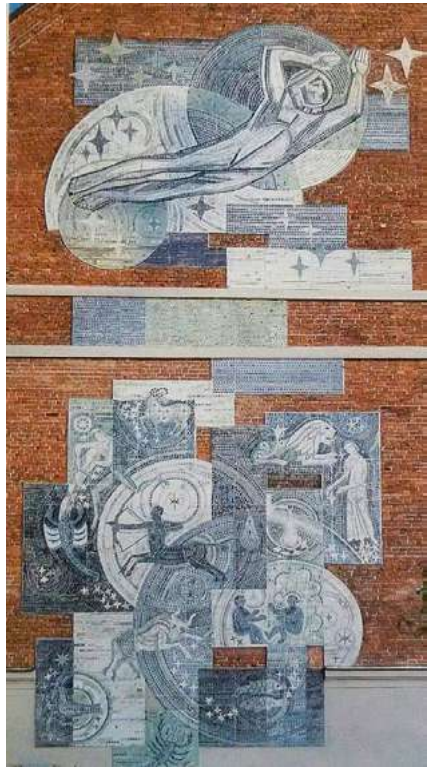


Приказ о прохождении Ю. А. Гагариным учебно-педагогической практики в РУ-52.
Из архива В. Н. Куприянова

улице появилось грандиозное мозаичное панно «Человек и звёзды». Фигура летящего сквозь звёзды космонавта и композиция из знаков зодиака были созданы художником В. А. Аноповой.

В честь первого полёта в космос получил название *кинотеатр «Космонавт»* на Бронницкой улице, 24, открытый в 1962 г. Над главным входом в здание расположено огромное панно на тему освоения космоса, выполненное в технике сграффито. Его авторами были художники А. Ларионов и В. Мошков. Название закрывшегося в 1990-е гг. кинотеатра унаследовал действующий в этом здании клуб «Космонавт», добавивший к суровому советскому панно собственную космическую эмблему в свободном стиле. Об истории освоения космоса напоминает и летопись научных достижений, расположенная на стенах подземного зала станции метро «Технологический институт-2», которая находится неподалёку.

Первым топонимом Ленинграда, связанным с темой космонавтики, стала *улица Циолковского*. Произошло это ещё до начала космической эры, в 1954 г. Учёный побывал в Петербурге лишь однажды, в апреле 1914 г. на III Воздухоплавательном съезде. Однако имя К. Э. Циолковского к началу 1950-х уже прочно закрепилось в советском «топонимическом пантеоне», а потому было выбрано на замену «устаревшего» названия *Таракановской улицы*, пролегающей по руслу засыпанной речки Таракановки. В 2005 г. на пересечении улицы Циолковского и набережной Обводного канала был установлен памятник основоположнику теоретической космонавтики. Это монумент весом в 25 тонн, вытесанный из гранитной глыбы, которую доставили из-под Выборга. Гранитный Циолковский находится в центре огромной площадки с астрономическими знаками, он полулежит, и взгляд его устремлен в небо, к звёздам. Над памятником работал коллектив авторов: скульптор Л. Бейбутян, архитекторы И. В. Заболотский и О. С. Глазова, при участии архитекторов В. К. Романова, Г. К. Баграмяна, П. И. Гиля, В. А. Яковлева, Н. В. Хунцария, Х. И. Абдурагимова, А. К. Сабирова, И. Г. Уралова.



Мозаичное панно «Человек и звёзды»

На левом закладном камне мемориала высечены слова учёного, сказанные в 1935 г.:

«Теперь я точно уверен в том, что моя мечта — межпланетные путешествия — мною теоретически обоснованная, превратится в действительность. Сорок лет я работал над реактивным двигателем и думал, что прогулка на Марс начнётся лишь через много сотен лет. Но сроки меняются. Я верю, что многие из вас будут свидетелями первого заатмосферного путешествия»[1].

Проспект Юрия Гагарина появился в Ленинграде уже через два дня после его исторического полёта. 14 апреля 1961 г. в его честь был переименован *Нарымский проспект*. По-видимому, при

[1] Осуществляется древнейшая мечта человечества: Первомайское приветствие К. Э. Циолковского, записанное на пленку // Правда.1935. 21 сент. (дата высказывания указана на закладном камне неточно).

Клуб «Космонавт»

Памятник К. Э. Циолковскому в Санкт-Петербурге

выборе места для наименования была учтена сложившаяся к тому времени в Московском районе топонимическая тематика: *Авиационная улица* и названия в честь героев-лётчиков. В 1970 г. на доме 1 по проспекту Юрия Гагарина была установлена мраморная стела (архитектор В. А. Петров, скульптор А. Г. Дема). В 1962 г. космическая тема в топонимии Московского района была продолжена *проспектом Космонавтов,* а в 1966 г. — *Звёздной улицей.* Для новой станции Московско-Петроградской линии метрополитена, носившей в проекте не слишком удачное название «*Имени Ленсовета*», в 1968 г. было утверждено официальное имя «Звёздная», под которым она и открылась 25 декабря 1972 г. Оформление станции, конечно же, связано с темой космонавтики: в наземном вестибюле установлена настенная скульптурная композиция, посвящённая Юрию Гагарину (скульпторы Э. Р. Озоль, И. Н. Костюхин и В. С. Новиков), торцевое панно подземного зала украшено звёздами.

Постановлением Совета Министров РСФСР № 91 от 14 февраля 1968 г., принятым во исполнение соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР, были запрещены прижизненные увековечивания в названиях городских объектов. По этой причине, видимо, и не состоялось официальное присвоение имени первой женщины-космонавта Валентины Терешковой новому парку, заложенному в середине 1960-х гг. на Малой Охте. Его официальное наименование с момента открытия — *Заневский парк,* но старожилы это название игнорируют, предпочитая народное, — *парк Терешковой.* А следующий «личный» топоним в честь космонавта появился в нашем городе только в 2002 г. Именем второго советского космонавта, Г. С. Титова (1935–2000), совершившего полёт на орбиту 6 августа 1961 г., была названа *улица Титова*, расположенная между проспектом Юрия Гагарина и проспектом Космонавтов. Благодаря Герману Титову появился, кстати, и сам праздник — День космонавтики. 26 марта 1962 г. он обратился в Президиум Верховного Совета СССР с предложением увековечить дату первого полёта человека в космос. Решение было принято, и этот праздник отмечается, начиная с 12 апреля 1962 г.

Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга недавно одобрила присвоение названия *улицы Георгия Гречко.* Она проектируется также в Московском районе, поблизости от Пулковской обсерватории. А пока память нашего земляка, лётчика-космонавта Г. М. Гречко (1931–2017), дважды побывавшего в космосе, увековечена на Аллее Героев в Московском парке Победы. Здесь устанавливаются бюсты дважды Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда и Российской Федерации — уроженцев нашего города.

Другой топонимический «куст», посвящённый космической теме, сформировался на Комендантском Аэродроме и Озере Долгом, где так же, как и в Московском районе, широко представлена авиационная тематика. В 1973 г. здесь появилась *улица Королёва*, ставшая проспектом в 1987 г. С. П. Королёв (1906–1966) — один из основных создателей советской ракетно-космической техники, руководитель и организатор запуска первого искусственного спутника Земли и первого полёта человека в космос. А в 2014 г. рядом с проспектом Испытателей появилась *улица Марка Галлая*. Уроженец Санкт-Петербурга, М. Л. Галлай (1914–1998) — один из известнейших советских лётчиков-испытателей, участник Великой Отечественной войны. В 1960–1961 гг. он был инструктором-методистом

Настенная скульптура, посвящённая Юрию Гагарину, на станции метро «Звёздная»

по пилотированию космического корабля в первом отряде космонавтов, и свое знаменитое «Поехали!» Гагарин позаимствовал именно у Галлая. Есть в Приморском районе и две улицы, названные в честь космодромов: *Байконурская* (1980) и *Плесецкая* (2013).

Возвращаясь к отражению космоса в художественной литературе, нельзя не вспомнить и выдающихся писателей-фантастов, живших в нашем городе и отдавших космической тематике более серьёзную дань, чем А. Н. Толстой. Ученый-палеонтолог, геолог, философ-космист, доктор биологических наук И. А. Ефремов (1908–1972), родившийся в Вырице, учился и работал в Петрограде-Ленинграде. Получив первое высшее образование на биологическом факультете Ленинградского университета, он экстерном окончил курс в Горном институте, в вестибюле которого в 1987 г. была установлена памятная доска в его честь. Видное место в его литературной деятельности занимает «космическая» трилогия: «Туманность Андромеды», «Сердце Змеи», «Час Быка». Постоянно проживая в Москве, Иван Ефремов часто приезжал в Дом творчества писателей в посёлок Комарово под Ленинградом (Кавалерийская улица, 4/4). На Комаровском кладбище он и похоронен[2].

Бывали в Комарове и его друзья, классики современной социальной фантастики, братья Стругацкие. Освоенный космос, пусть и хранящий множество загадок, — и атрибут, и место действия многих утопий и антиутопий Стругацких. До войны они жили в Ленинграде с родителями. После блокадной эвакуации в Ленинград вернулся только родившийся здесь младший брат, Б. Н. Стругацкий (1933–2012). Старший, А. Н. Стругацкий (1925–1991), после военной службы осел в Москве, что ничуть не мешало их совместной творческой деятельности. А Борис Стругацкий, астроном по профессии, с 1964 г. жил в доме 4 на улице Победы в Московском районе. Скоро на этом доме должна появиться посвящённая ему мемориальная доска. В 2014 г. соседней площади на пересечении Московского проспекта и улицы Победы было присвоено название *площадь Братьев Стругацких*.

Мы ценим историческую память как неотъемлемую часть общей культуры. При этом в разные периоды нашей истории наблюдались различные подходы к сохранению памяти о прошлом. То в революционном задоре, то

[2] В автобиографических сведениях Иван Ефремов указывал 1907 год рождения, прибавляя себе год возраста. Эта дата указана и на надгробном камне писателя.

Надгробие И. А. Ефремова на Комаровском кладбище

опьяняясь успехами науки, многие, в том числе и облечённые властью персоны, всерьёз заявляли, что исторические традиции, памятники старины — это ненужный хлам под ногами строителей светлого будущего. А реставрация памятников прошлого — это чуть ли не отказ от прогресса, архаика и мракобесие. Сторонникам такой точки зрения хочется напомнить слова из выступления Ю. А. Гагарина на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ 27 декабря 1965 г.:

«На мой взгляд, мы ещё недостаточно воспитываем уважение к героическому прошлому, зачастую не думая о сохранении памятников. В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 года, был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Я бы мог продолжать перечень жертв варварского отношения к памяти прошлого. Примеров таких, к сожалению, много…»[3]

[3] РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 2. Ч. 2. Д. 471.

Г. Г. МАРТЫНОВ

СЕЛО АННЕНСКОЕ

КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Сейчас здесь, на высоком левом берегу Невы при впадении в неё Мойки (не той Мойки, что в центре Петербурга, а той, что в Кировском районе Ленинградской области), — пусто. Проносятся по Шлиссельбургскому шоссе машины, водители и пассажиры которых лишь на мгновение бросают взгляды на автобусную остановку, одиноко стоящую тут на пригорке, да на расположенную невдалеке группу современных строений в стиле древнего русского деревянного зодчества.

…Стоит только не пожалеть времени, ненадолго задержаться и внимательно осмотреться вокруг, чтобы сразу заметить следы старой дороги, остатки развала камней на месте какого-то большого строения, почти заплывшие ямы, поросшие травой и диким шиповником, — верные признаки стоявших здесь деревенских домов.

Восемь десятилетий назад в этом месте находилось уничтоженное войной село Анненское.

ПРЕДЫСТОРИЯ МЕСТНОСТИ

Письменные источники не сообщают о том, когда впервые здесь поселились люди. Возможно, уже в VIII в., преодолев невские пороги, тут останавливались на отдых заморские «гости», следующие по крупнейшему евразийскому средневековому торговому пути «из Варяг в Греки» и «из Варяг в Арабы». Здесь или где-то рядом, несомненно, существовал один из его опорных пунктов. Место подходящее — между устьями Мги и Мойки, образующими защищённые мысами удобные заводи, не более полутора километров. Отнюдь не случайно в их междуречье к Неве выходила и *Ореховецкая (Ореховская) дорога* — этот древний путь из Новгорода, общее направление которого сохранилось до сих пор, имел не только торговое, но и военное значение. Весьма вероятно, что именно по ней кратчайшим маршрутом к месту Невской битвы следовала в 1240 г. дружина князя Александра Ярославича[1].

Во второй половине XV в. часть волости *Дуброва* Спасского Городенского погоста Ореховецкого уезда вверх по Неве от *Тосны* и *Святой реки* (ныне *Святка*) до *Мойки* и *Мьи* принадлежала Григорию Петрову сыну Чашникову[2].

После окончательного присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. приневские волости великий князь Иван III отдал «в поместья» приближённым боярам и детям боярским. Владения Чашникова достались А. Ф. Челяднину (?–1503), наместнику в Новгороде до 1500 г. Новый государь Василий III после 1505 г. раздал эти земли уже своим служивым людям. Волость Дуброва была «*отдана Иванцу Семёнову, сыну Шишолову, да Косте Кутчецкому*»[3].

Последовательность описи в Переписной книге Водской пятины 1499/1500 гг. создаёт впечатление, что в XV в. современная Мга называлась *Мойка*, а Мойка наоборот — *Мья*. Если это действительно так (по-видимому, происхождение обоих названий одинаковое, но этот вопрос ещё требует дальнейшего прояснения[4]), то к последней относятся *Деревня на усть Мьи*, скорее всего из одного двора, в котором жили Левон Васильев и Илейка Онашкин, и *Деревня на устьи ж Мьи*. В ней дворов могло быть два и «населения» больше: Микитка Лавров, сын его Гридка, Олферко Васьков, Оверкейко Софронов и Влас Петроков[5]. Возможно, эти поселения следует локализовать на правом берегу Мойки — в месте, где спустя три века возникнет село Анненское[6].

Сразу вслед за ними опись волости Дуброва завершают *Деревня Островок на Мье ж Левонтьево* и *Деревня Варягова на Неве* с жителями «*Сташом с Васюковым да с Игнатом с Костковым <…> Исак Осташов*»[7]. Её название не случайно — оно сохраняет память о Варяжском пути, активно использовавшемся вплоть до XII в. Предположительно, это поселение локализуется в междуречье Мги и Мойки, ближе к устью первой из них —

[1] См.: *Сорокин П.* Окрестности Петербурга: из истории Ижорской земли. М.; СПб., 2017. С. 64–67.

[2] Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года (2-я половина) / сообщ. М. А. Оболенским // Временник Имп. Моск. о-ва истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851 (далее: Переписная книга). С. 123.

[3] Там же.

[4] Об Ореховецкой дороге и версиях происхождения названий обеих рек см.: *Мартынов Г. Г., Сизёнов Е. П.* Вдоль верхнего течения реки Мги // Топонимический альманах. 2016. № 1(3). С. 27–28, 32–33.

[5] Переписная книга. С. 129–130.

[6] Соотнесены с этим местом в комментариях к изданию: *Пыляев М. И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга / сост.: В. А. Витязева, О. В. Миллер. СПб., 1996. С. 532.

[7] Переписная книга. С. 130.

Устье Мойки. Группа деревьев справа – местоположение Тихвинской церкви в селе Анненском. Фото автора. 2020

в исторической местности *Лобаново* (в составе современного городского посёлка *Павлово*)[8]. То есть там, где к Неве выходила Ореховецкая дорога.

При перечислении населённых мест своеземцев[9] Спасского Городенского погоста зафиксирована *Деревня Щербова на усть Мьи*, в трёх дворах которой жили *«Илейка да Овсевка Гридины, да братанич*[10] *их Гаврилка Иваш-ков»*[11]. По-видимому, первые два — это сыновья Гридки, а третий может иметь отношение к Илейке Онашкину. Следовательно, речь должна идти о поселении в том же месте, что и две усть-мьинские деревни.

Далее названы подряд три своеземских *Деревни Варяговы на Неве*. Они соотносятся с указанной выше, так как о первой из них, в которой жили Захар и Данилка Олферовы, сказано: *«При старом* <письме>[12] *ся деревня прибыла, а дворы их писаны в старом письме и обжи в деревни в Варегове ж у Осташа у Васькова да у Игната Костина»*. Во второй деревне жили Сенка и Михаль Фомкины; в третьей — сами *«Осташ Васьков и Игнат Костков»*[13].

Правда, на карте Ингерманландии по данным на 1676 г., составленной А. Бергенгеймом (1827)[14], селения *Warugowawerkna* и *Warugowarvissna*, то есть *Варегово Верхнее* и *Варегово Нижнее*, показаны против безымянного острова (на 1701 г. он назывался *Сирвисаари*, а сейчас *Главрыба*). Это историческая местность *Петрушино* (в том же посёлке Павлово), примерно в шести километрах ниже устья Мги. Однако на карте Спасского Городенского погоста на 1500 г. архимандрита Сергия (1905)[15] три деревни *Варяговы* отмечены против деревни *Кузминой*, то есть в районе современного *Кузьминского моста*, до которого от устья Мги около четырёх километров.

Понятно, что эти реконструкции приблизительны, но они наглядно показывают: один из опорных пунктов Варяжского пути не мог не существовать выше невских (Ивановских) порогов — хотя бы потому, что проход вверх по реке занимал три-четыре дня. Самое подходящее место для него по условиям местности находится как раз между устьями Мги и Мойки. К сожалению, археологическими данными это подтвердить невозможно. Даже если к началу XX в. средневековый культурный слой частично сохранялся на хорошо освоенном левом берегу Невы от устья Тосны до Шлиссельбурга, он был полностью разрушен в ходе битвы за Ленинград 1941–1944 гг. Теперь здесь возможны лишь отдельные случайные находки.

На доступных подлинных шведских картах XVII в. поселение на правом берегу в устье Мойки не показано, как и на карте-реконструкции на 1676 г. Откуда же в этом месте появилась деревня *Добровка*, подписанная на «Новой и достоверной всей Ингерманландии ланткарте»

[8] Соотнесена с эти местом в комментариях к указанному изданию М. И. Пыляева (С. 532).

[9] Своеземцы — жители Новгородской земли, пользовавшиеся личной свободой и владевшие землей на правах личной собственности.

[10] Сын брата, или племянник (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 / гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975. С. 319; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1 / под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2004. С. 273).

[11] Переписная книга. С. 140.

[12] Имеется в виду предшествующая переписная книга конца XV в., до нас не дошедшая.

[13] Переписная книга. С. 139–140.

[14] См.: www.aroundspb.ru/karty/150/sg_1676_ingermanlandia.html; www.etomesto.ru/map-peterburg_1676.

[15] Карты Водской пятины и её погостов в 1500 году / сост. архим. Сергий. СПб., 1905 (прил. к его соч.: Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой книге Водской пятины 1500 года).

И. Кирилова (1727)[16], составителя и издателя первого «Атласа Всероссийской империи»? На «Карте Ингерманландии и Карелии», отпечатанной при Императорской Академии наук (1735 и 1745)[17], она называется *Дубровка*, на латинском повторении этой карты «Ingria et Carelia» (1741)[18] — *Dubrowka*.

На карте «Ладожского озера и Финского залива с прилежащими местами» (1745)[19] сюда помещён *Кабак Дубровка*, а сама деревня смещена значительно выше по течению Мойки, на место деревни *Мустолово*.

На самом деле — это одна из непреднамеренных, но типичных неточностей И. Кирилова, неоднократно подмечавшихся его современниками, но последовательно переходивших (и развивавшихся) от одного перечерчивания к другому. На новой уточнённой «Карте Санкт-Петербургской губернии, содержащей Ингерманландию, часть Новогородской и Выборгской губернии», Я. Шмидта (1770)[20] наконец-то все на своих местах: в устье Мойки показана только развилка Шлиссельбургского и Архангельского трактов, а *Дубровка* находится в положенном ей месте, примерно в трёх верстах выше по течению. В Переписной книге она зафиксирована как *Деревня Дуброва на Неве*[21], на шведских картах показана под названиями *Dubbrova* (1681)[22] и *Dobrowa* (1699)[23]. На русском «Географическом чертеже Ижорской земли» А. Шхонбека (1704)[24] подписана как *Доброва*. Отсюда, вероятно, её и заимствовал Кирилов, случайно поместив не туда.

В середине XIX в. для отличия от находившейся напротив неё на правом берегу Невы *Выборгской Дубровки*[25] за этой деревней закрепилось название *Московская Дубровка*. Оказавшись в сентябре 1941 г. в эпицентре Невского пятачка, она навсегда осталась в исторической памяти.

[16] См.: www.aroundspb.ru/karty/107/sg_1727_ingermanland.html; www.etomesto.ru/map-peterburg_ingria-1727.

[17] См.: https://www.aroundspb.ru/karty/267/sg_1735_ingria_karelia.html; www.etomesto.ru/map-peterburg_ingria-1745.

[18] См.: www.aroundspb.ru/karty/268/sg_1741_ingria_karelia.html.

[19] См.: www.aroundspb.ru/karty/154/sg_1745_ladoga.html.

[20] См.: www.aroundspb.ru/karty/157/sg_1770_schmidt.html.

[21] Переписная книга. С. 121, 141. Также см. указанную карту архимандрита Сергия.

[22] См.: www.aroundspb.ru/uploads/maps/ingermanland/1681_Neva.jpg.

[23] См: www.aroundspb.ru/uploads/maps/ingermanland/1699_Nyen_Noteborg.jpg.

[24] См: www.aroundspb.ru/karty/153/sg_1704_shkhonbek.html.

[25] Ныне городской посёлок Дубровка (конечная ж.-д. ст. Невская Дубровка).

ИМЕНИЕ РЕЗАНОВЫХ – КОКОШКИНЫХ

Новая история местности на правом берегу в устье Мойки, теперь уже в Шлиссельбургском уезде, началась в 1800 г., когда здесь, в 45 верстах от Санкт-Петербурга, основал усадьбу действительный статский советник Николай Петрович Резанов (1764–1807).

В 1791–1793 гг. он состоял правителем канцелярии Г. Р. Державина, в то время кабинет-секретаря Екатерины II. Это позволило Резанову не только лично сблизиться с ним, но и утвердить свое положение при дворе. В 1794 г., будучи в Иркутске с духовной миссией архимандрита Иосафа (Болотова), по поручению Платона Зубова он инспектировал «Северо-Восточную компанию» купцов И. И. Голикова (1735–1805) и Г. И. Шелихова (Шелехова; 1749–1795) — основателя первых русских поселений в Америке. За полгода до смерти «Колумба Росского»[26], Резанов 24 января 1795 г.[27] обвенчался с его дочерью Анной Григорьевной (1780–1802). В Петербурге они жили в собственном деревянном доме с садом на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы (впоследствии этот участок поглотил «Дом Мурузи»).

Резанов унаследовал долю Шелихова в «Северо-Восточной компании». В 1797 г. он стал обер-секретарём Правительствующего Сената, а 8 июля 1799 г. Павел I подписал предложенный им указ об учреждении полугосударственной «Российской Американской компании», основу которой составило предприятие Голикова — Шелихова[28]. Императорским указом от 2 декабря 1799 г. Резанову поручалось верховное правление в ней.

Название ***Аннинское*** усадьба получила по имени Анны Резановой. Первым 18 июля 1801 г. в их семье родился сын Пётр. Через 12 дней после появления дочери Ольги, 18 октября 1802 г., жена Резанова умерла и была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Её могила сохранилась.

Исполняя волю супруги, 5 ноября 1802 г. Резанов подал прошение о создании в Аннинском храма митрополиту Амвросию (Подобедову). Своё донесение на

[26] Такими словами («*Колумб здесь Росский погребён…*») начинается эпитафия на сохранившемся надгробии Г. И. Шелихова в иркутском Знаменском монастыре, сочинённая Г. Р. Державиным. Автор второй эпитафии на этом же памятнике — И. И. Дмитриев, также близкий к Резанову (см.: Письмо Н. П. Резанова к И. И. Дмитриеву (апр. 1803) // Русский архив. 1866. № 8/9. Стлб. 1331–1335).

[27] Все даты до 1918 г. по старому стилю.

[28] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXV. [СПб.], 1830. С. 699–718.

Тихвинская церковь в селе Анненском со стороны Мойки. Фото А. А. Беликова. 1926. Источник: https://humus.livejournal.com/6884020.html

рассмотрение Святейшего Синода тот направил в январе 1803 г.: «*…по объявленному ему, господину Резанову, от покойной жены его сильному желанию о построении <…> в мызе Аннинской каменной церкви во имя Тихвинской Пресвятой Богородицы, намерен он собственным своим иждивением строить храм сей*»[29].

Указ, разрешавший постройку, «*последовал в апреле 1803 года, но с условием, чтобы Резанов отвёл землю под здание церкви, кладбище, усадьбу и на содержание священнослужителей; построил дома для притча*»[30].

Одновременно Резанов попытался выйти в отставку, чтобы, поселившись в Аннинском, заняться воспитанием детей и обустройством имения. Однако у Александра I оказались иные виды — он принял проект об организации «*кругосветных плаваний как наиболее выгодного прямого торгового сообщения между русскими портами Балтийского моря и русской Америкой*»[31], ранее оставленный без внимания Павлом I. Общее руководство первой русской кругосветной экспедицией император возложил на Резанова и одновременно назначил его первым российским посланником в Японию.

Храм в Аннинском Резанов успел заложить перед уходом из Кронштадта 26 июля 1803 г. шлюпов «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. В Петербург он уже не вернулся. Особенную

[29] Цит. по: *Седова Н.* «Любовь моя у вас в Невском…» // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 18 мая. № 89. С. 5.

[30] [*Сутягина Л. Э.*] Мыза Аннинская // Кировский район [Ленинградской обл.]: Историч. дорогами Приладожья: практич. путеводитель / авт. идеи и отв. ред. И. Н. Стоян. СПб., 2018 (далее: Кировский район). С. 114.

[31] *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. 4. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 15.

известность получили финальные страницы его биографии после неудачи японской миссии: знакомство с испанкой Марией де ла Консепсьон Марцеллой Аргуэльо — Кончитой (1791–1857), дочерью коменданта крепости Сан-Франциско, обручение с ней, самовольное отправление в 1806 г. судов «Юнона» и «Авось» под командованием Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова «*на Курильские острова и Сахалин не только для их описания, но и разгрома японских торговых постов, что они и сделали*»[32], вызвав сильное недовольство российского правительства. Выехав в Петербург, Резанов умер в Красноярске 1 марта 1807 г. и был там похоронен на кладбище при Воскресенском соборе[33].

В том же году в его усадьбе окончилось возведение Тихвинской церкви, с освящения которой и начался отсчет истории села Аннинского как такового. Архитектор храма не установлен. На фотографиях, сделанных А. А. Беликовым (1926)[34], видно, что по композиции — это образец классицизма: ротонда с колоннами и колокольней над главным входом. Можно предположить, что проект Аннинской церкви имеет отношение к ближайшему другу Г. Р. Державина — Н. А. Львову, для которого характерно использование таких приёмов в храмовых постройках. Впрочем, сходную композицию имеют также Никольская церковь в деревне Верола (близ Кобоны) и, особенно, Петропавловская церковь в Фридрихсгаме (современный финский город Хамина). Их архитектором был Д. И. Висконти, но они более поздние — 1820–1830-х гг.

Николай Петрович Резанов

[32] *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Анненское (Мойка); *Они же.* Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Южное Приладожье. Кировский и Волховский районы. СПб., 2009 (далее: Дворянские усадьбы). С. 110.

[33] Место первоначального захоронения Резанова утрачено в начале 1960-х гг. при сносе храма, но, возможно, его прах был перенесен на Троицкое кладбище. Кенотаф установлен в 2007 г.

[34] См.: https://humus.livejournal.com/6884020.html. Две из этих восьми фотографий опубликованы: Кировский район. С. 116, 148.

С уходом Н. П. Резанова в кругосветную экспедицию его дети, которым покровительствовал сам император, воспитывались у родственников. После смерти Петра Резанова, предположительно последовавшей в 1813 г.[35] (место его захоронения неизвестно), мыза Аннинская (743, по другим данным 747 десятин) перешла к его сестре Ольге. В 1821 г. она стала второй женой Сергея Александровича Кокошкина (1795 или 1796–1861)[36]. У них родились дети: София (1822–1836), Виктор (1824–1848), Владимир (1825–1846)[37] — оба окончили Николаевское кавалерийское училище[38]. Помимо мызы, Ольга владела домом в Литейной части Петербурга, ныне известным как «Дом Кокошкина» (улица Чайковского, 4). После очередных родов она скончалась и была погребена в Тихвинской церкви. Эпитафия гласила: *«Жена флигель-адъютанта Его Императорского Величества, полковника, р. 6 октября 1802 г., ум. в полночь с 20 на 21 января 1828, 25 л., 3 м. 14 д. Добродетелями своими составляла примерное счастие неутешного супруга 6 л. 11 м. 14 д.»*[39]. В третий раз С. А. Кокошкин женился в 1829 г. на княжне Софии Сергеевне Хованской (1810–1867); их дети: Сергей (1831–1883) и Варвара (1832–1836).

Полноправным владельцем Аннинского Кокошкин стал в 1830 г. и в том же году был назначен петербургским обер-полицмейстером с чином генерал-майора. Он окончательно обустроил усадьбу, на четырёх десятинах построив здесь просторный деревянный барский дом, службы; создал парк. В 1847 г. Кокошкин получил должность малороссийского генерал-губернатора. После её упразднения в 1856 г., он — сенатор с чином генерала от инфантерии.

Впервые Аннинское показано на топографической карте Санкт-Петербургской губернии Ф. Шуберта (1834)[40]. По административно-полицейской реформе (1837) село причислено к 1-му стану Шлиссельбургского уезда. На 1838 г. принадлежало *«наследникам покойной генерал-майорши Кокошкиной»* (49 жителей мужского пола и 37 — женского)[41]. С появлением на Неве регулярного пароходного сообщения к названию нередко стали прибавлять наименование установленной здесь пристани — *Аннинское (Мойка)*. Впервые в такой форме оно выявлено на «Геогностической карте Санкт-Петербургской губернии» С. Куторги (1852)[42].

В середине XIX в. написание сменилось на ***Анненское*** — первый раз оно показано на военно-топографической карте Санкт-Петербургской губернии Ф. Шуберта (1855)[43], однако и прежняя форма употреблялась ещё с лишком полвека[44]. В обиходе село именовалось *Резановское* (или даже *Рязановское*). На 1856 г. в нём

Тихвинская церковь в селе Анненском со стороны Шлиссельбургского тракта. Фото А. А. Беликова. 1926. Источник: https://humus.livejournal.com/6884020.html

[35] *Макарова М. Ю.* «События давно минувших дней. Но не ушедших безвозвратно»… // Возрождение родословных традиций: материалы XIV науч.-практич. конф. Рефтинский, 2019. С. 67.

[36] Его первая супруга Мария Леонтьевна, урождённая Белышева (1795–1820), умерла, очевидно, от родов и была похоронена на Лазаревском кладбище, но её захоронение не сохранилось. О составе семейства С. А. Кокошкина см.: *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов, 1711–1917 гг.: материалы для биогр. / изд. подг. Д. Н. Шилов. СПб., 2011. С. 212.

[37] Правильный год рождения Владимира устанавливается из надписи на его надгробии, ясно читаемой на фотографии А. А. Беликова: *«…скончался 16 мая 1846 года на 21 году своей жизни»*. Таким образом, указание: *«на 26 г<оду>»*, — очевидная ошибка; см.: *Николай Михайлович,* вел. кн. Петербургский некрополь (далее: Петербургский некрополь). Т. 2. СПб., 1912. С. 431. Ср. также свидетельство А. Шатрова в конце настоящего очерка.

[38] [*Потто В. А.*] Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, 1823–1898. СПб., 1898. Прил. С. 28, 29.

[39] См.: Петербургский некрополь. Т. 2. С. 430. Лишь недоразумением, видимо, вызванным неверным истолкованием эпитафии, можно объяснить следующий пассаж: *«Ольга Николаевна вышла замуж за полковника Сергея Петровича Кокошкина, но прожила недолго, умерла в 1828 году. В 1830 году владельцем села Анненского стал родственник мужа Сергей Александрович Кокошкин»* (Дворянские усадьбы. С. 111).

[40] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_5verst.

[41] Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам / [сост. ред. «С. Петербургских губ. ведомостей»]. СПб., 1838. С. 75.

[42] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_1852_1.

[43] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_3versty.

[44] Так, например, форма *Аннинское* употребляется на картах Санкт-Петербургской губернии (1871 и 1897) издания Алексея Ильина, см.: www.etomesto.ru/map-peterburg_1871ilyin и www.etomesto.ru/map-peterburg_1897ilyin, при описании Тихвинской церкви в «Историко-статистических сведениях о С.-Петербургской епархии» (1884) и во всех четырёх томах «Петербургского некрополя» (1912–1913).

числилось 9 дворов, 52 души[45]; в 1862 г. — 13 дворов, 60 жителей мужского пола и 61 — женского[46]. На «Подробной топографической карте окрестностей Санкт-Петербурга» (1870)[47] показано 11 дворов.

Следующий владелец имения титулярный советник, почётный мировой судья Шлиссельбургского уезда Сергей Сергеевич Кокошкин устроил в усадьбе деревянную часовню Тихвинской Божией Матери, но к 1884 г. она уже обветшала[48].

На 1885 г. в Анненском, относившемся к Усть-Тосненской волости Шлиссельбургского уезда, числилось 14 дворов и 115 жителей[49].

ТИХВИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Средств, пожертвованных Н. П. Резановым на содержание Тихвинской церкви, хватило до начала XX в., хотя первоначальные условия при Кокошкиных изменились: *«До штатов притч содержался платою за требы и пособиями от помещиков. По штатам 1843 года священник получал 180 р. в год; дьячок — 70 р., пономарь — 60 р., просфирня — 30 р. Сверх сего притч получает третью часть процентов от капитала в 365 р., положенного г. Резановым, и 50 р. аренды в год за пароходную пристань. Вместо земли от помещика Кокошкина притчу положено было в 1832 году 545 р. асс<игнациями>, но это вознаграждение выдаётся не особенно исправно и иногда задерживается на целые годы»*[50].

Первым аннинским священником стал протоиерей Иоанн Иоаннов (1761–1844), погребённый при церкви. Всего *«священствовал 62 года 11 месяцев 4 дня»*,— кратко и ёмко свидетельствовала эпитафия о его жизненном пути[51].

Следующим был его внук Матвей Аннинский, поставленный сюда священником из диаконов села Лезье Шлиссельбургского

[45] Алфавитный список селений, по уездам и станам С. Петербургской губернии / сост. при Губерн. стат. к-те. СПб., 1856. С. 10.

[46] Списки населённых мест Российской империи / сост. и изд. Центр. стат. к-том М-ва внутр. дел. Т. 37. Санкт-Петербургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1862 года / обработан ред. И. Вильсоном. СПб., 1864. С. 188.

[47] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_1versta.

[48] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии / изд. СПб. епарх. ист.-стат. к-та. Вып. 8. СПб., 1884 (далее: Историко-статистические сведения). С. 287.

[49] Волости и важнейшие селения Европейской России: по данным обследования, произв. стат. учреждениями МВД по поручению Стат. совета. Вып. VII. Губернии Приозерной группы / сост. Н. Т. Бутчик. СПб., 1885. С. 92.

[50] Историко-статистические сведения. С. 285.

[51] Петербургский некрополь. Т. 2. С. 284.

Надгробия Владимира и Виктора Кокошкиных при Тихвинской церкви в селе Анненском. Фото А. А. Беликова. 1926. Источник: https://humus.livejournal.com/6884020.html

уезда. В 1849 г. он поменялся местами со священником села Вартемяки Санкт-Петербургского уезда Константином Павловичем Быстровым (1800–1851). После него служил Владимир Дмитриевич Смирницкий (1826–1880), только что окончивший Санкт-Петербургскую духовную семинарию и рукоположенный во священники Тихвинской церкви 17 февраля 1852 г. Он *«отличался скромностью, приветливостью обращения и заботами о просвещении прихожан»*[52]. Оба также были погребены здесь[53].

В XIX в. при храме сложился фамильный некрополь Резановых — Кокошкиных. Здесь нашла последний покой Александра Гавриловна, урождённая Окунева (ок. 1741 — после 1807), мать Н. П. Резанова. К 1910-м гг. на её надгробии ясно читались только надпись о том, что она скончалась «26 февраля . . . . в 6 часов пополуночи» и эпитафия:

Любовью к ближним ты дышала в жизни сей,
И память о тебе не умирает;
И над могилою твоей
Признательность в слезах молитву воссылает[54].

[52] Историко-статистические сведения. С. 285.

[53] Петербургский некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 342; Т. 4. СПб., 1913. С. 103.

[54] Там же. Т. 3. С. 557.

Сестра Н. П. Резанова — Екатерина (1771–1812), вышедшая замуж за отставного прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка и литератора А. С. Корсакова (1763–1832)[55], была похоронена вместе со своей свекровью Еленой Гавриловной (1739–1812)[56]. Возможно, какое-то время они все вместе постоянно проживали в усадьбе[57].

Памятник отставному коллежскому советнику и кавалеру Александру Петровичу Резанову, скончавшемуся в 1853 г., был *«сооружён мещанкой Анисьей Малафеевой»* с надписью, что он прожил *«около 100 лет»*[58], хотя на самом деле младший брат Н. П. Резанова родился в 1770 г.

Вместе с Ольгой Николаевной здесь же были похоронены С. А. Кокошкин, их дети: София, поручик лейб-гвардии Преображенского полка Виктор, прапорщик того же полка Владимир; третья жена С. А. Кокошкина — София Хованская, их сын Сергей[59].

При Тихвинской церкви находились захоронения представителей еще одной знатной семьи местных землевладельцев. Здесь упокоилась Мария Петровна (1751–1829)[60] — вдова Якова Федоровича Дубянского (1745–1807), сына духовника императрицы Елизаветы Петровны — Ф. Я. Дубянского, которому она пожаловала «половину Шлиссельбургского уезда», в том числе мызу *Усть-Мгу*. В память о муже М. П. Дубянская переименовала мызу в *Яковлевскую*[61]. Следующий владелец, их сын, статский советник Фёдор Яковлевич (1786–1865), продал в 1829 г. эту часть имения сестре Надежде (?–1854), жене тайного советника А. Я. Голохвастова (1785–1854). Оба супруга были похоронены при церкви вместе с дочерью Аделаидой (1822–1835)[62].

Среди других имён, присутствовавших на старинных надгробиях, установлен 89-летний отставной прапорщик Филипп Петрович Артемьев, умерший в 1827 г.[63]

В 1867 г., в связи с переполненностью места при Тихвинской церкви, в версте севернее неё по Шлиссельбургскому тракту отвели участок для нового кладбища[64]. Много позже оно получило наименование *Арбузовского* — по названию возникшей рядом с ним в конце 1920-х гг. деревни *Арбузово*. Оказавшись на линии обороны Невского пятачка, исторический некрополь в этом месте был полностью уничтожен[65].

Отдельные почётные погребения продолжали производиться и при Тихвинском храме. Так, в 1870 г. здесь был похоронен крестьянин Выборгской Дубровки Степан Максимович Максимов — церковный староста, прослуживший 14 лет, *«скопивший много церковных денег и много жертвовавший от себя»*[66]. Он скончался в 70 лет[67].

В. И. Саитов, обследовавший прицерковное кладбище в 1910 г., зафиксировал и некоторые поздние захоронения: Вари Адамович (1889–1896); Дмитрия Андреевича Андреева (1857–1891); Прасковьи Леонтьевны Белевич (1864–1901), с эпитафией *«Жене от мужа»*; отставного лейтенанта Александра Ивановича Иванова (1909 г., 53-х лет); Елены Егоровны Клевер (1786–1870); Елисея Корниловича Корнилова (1893 г., 83-х лет); Екатерины Лерхе (1894 г., 17-ти лет)[68].

К Анненскому приходу относились: на левом берегу Невы — имение княгини Лобановой-Ростовской *Лобаново* (с часовней Покрова); деревни *Московская*

[55] Один из их сыновей Николай (1800–1820) — лицейский друг А. С. Пушкина, однако из публикаций пушкинистов это не очевидно. Даже саму фамилию они пишут с ошибкой; ср.: *«Мать Корсакова была урождённая Рязанова»* (*Руденская М., Руденская С.* Они учились с Пушкиным. Л., 1976. С. 182; *Они же.* С лицейского порога: выпускники Лицея, 1811–1917: очерки. Л., 1984. С. 163); *«Мать — урожд<ённая> Рязанова»* (*Лузинова И. В.* Корсаков Николай Александрович // Лицейская энциклопедия. [Т. 1]. Императорский Царскосельский Лицей (1811–1843) / под ред. С. М. Некрасова. СПб., 2010. С. 225) и др.

[56] Петербургский некрополь. Т. 2. С. 481.

[57] Ср. следующие сведения: *«Аннинское <…>. Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы, на мызе Корсакова. Домовая. 1803–1807 гг. Закрыта в 1814 г.»* (Земля Невская Православная: правосл. храмы приг. р-нов СПб. и Ленингр. обл.: краткий церк.-ист. справочник / сост. В. В. Антонов, А. В. Берташ, Е. В. Исакова и др. СПб., 2006. С. 87; также: Санкт-Петербургская епархия: справочник. СПб., 2007. С. 213). Наглядный пример некритичного использования информации: *«В 1803–1808 гг. в селе была возведена церковь Тихвинской иконы Божией Матери (закрыта в 1814 г.)»* (*Александрова Е. Л.* Водская пятина — Ингерманландия — Санкт-Петербургская губерния — Ленинградская область: историч. прошлое. СПб., 2011. С. 377).

[58] Петербургский некрополь. Т. 3. С. 557.

[59] Там же. Т. 2. С. 430–431.

[60] Там же. С. 96.

[61] См.: Дворянские усадьбы. С. 105–106. Сам Я. Ф. Дубянский был похоронен на Лазаревском кладбище; его захоронение не сохранилось.

[62] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 638.

[63] Там же. С. 99.

[64] Историко-статистические сведения. С. 286.

[65] Осмотр современного Арбузовского кладбища, произведённый автором настоящего очерка в сентябре 2020 г., довоенных захоронений не выявил.

[66] Историко-статистические сведения. С. 286.

[67] Петербургский некрополь. Т. 3. С. 21.

[68] Там же. Т. 1. С. 19, 61, 345; Т. 2. С. 238, 385, 475, 654.

Дубровка (с часовней Петра и Павла); *Мустолово*; *Келколово*; *Горы*; *Большое* и *Малое Петрушино*; на правом берегу — деревни *Пески* (с часовней св. Николая); *Выборгская Дубровка* (с часовней Петра и Павла); *Богородицкая* и сельцо *Михайловское*. *«Крестьяне сперва были частью государственными, частью помещичьими. <…> Всех прихожан-крестьян считается <к 1884 г.> дворов 240, мужского пола душ 597, женского 527. <…> Прихожане, кроме хлебопашества, занимаются рубкой и вывозкой дров, рыбной ловлей и судоходством»*[69].

С 1880 г. в Тихвинской церкви служил Александр Алексеевич Вашневский (ок. 1856–1917), в предыдущем году окончивший Санкт-Петербургскую духовную семинарию и *«преподающий Закон Божий в нескольких училищах»*[70]. Он много сделал для местного народного просвещения. Поначалу в Анненском приходе была только одна школа, открытая земством в Московской Дубровке в 1879 г.; в ней обучалось до 60 мальчиков и девочек[71]. На карте Петроградской губернии (1916)[72] земские школы, помимо неё, показаны в Горах, Большом Петрушине и Выборгской Дубровке; церковно-приходские — в самом Анненском и Келколово.

Очевидно, именно А. А. Вашневский составил единственное подробное дореволюционное описание Тихвинской церкви и её прихода, уже неоднократно здесь цитировавшееся. Согласно ему, в храме находились *«замечательны<е> священные сосуды из фарфора с украшениями из золота»*[73], но их происхождение неизвестно.

Сама Тихвинская церковь была *«каменная, крытая железом. Антиминс её освящён 20-го мая 1883 г. Арсением, епископом Ладожским»*[74]. В ней находились деревянный двухъярусный иконостас и около 40 икон и образов[75]. *«Из церковных старост особенным усердием <…> известен шлиссельбургский купец Алексей Егоров<ич> Ковшиков, употребивший до 3000 р. асс<игнациями> на украшение икон серебряными ризами»*[76].

Местными праздниками в Анненском были Покров Пресвятой Богородицы (1/14 октября) и Тихвинской иконы Божией Матери (26 июня/9 июля). В память жертв холеры 1848 г. здесь и на Песках праздновалась 19-я пятница по Пасхе[77].

После смерти С. С. Кокошкина основная часть имения досталась его сыну Николаю (1858–?), капитану лейб-гвардии Преображенского полка. На 1887 г. он владел 772 десятинами, из которых 4 находились под усадьбой, 4 были пахотными, 22 — под покосами и 2 — под выгонами. Дровяной лес, поросль, кустарники и вырубки занимали 700 десятин, и ещё 40 — вода, болота и прочие неудобья[78]. Он сдавал в аренду мелочную лавку, дачи, барский дом, но управление имением, которое ещё его отец имел несчастье доверить писцу штата полиции И. А. Гилевичу, сделало своё дело — в 1894 г. Н. С. Кокошкина объявили несостоятельным[79].

Тихвинская церковь в селе Анненском со стороны Шлиссельбургского тракта. Фото А. А. Беликова. 1926. Источник: https://humus.livejournal.com/6884020.html

Дочери С. С. Кокошкина продали свои доли поручику И. И. Дружине-Артемовичу (1854–1913), позже генерал-лейтенанту лейб-гвардии Финляндского полка, который выстроил на берегу Невы дачи для сдачи в аренду[80].

К 1909 г., согласно «Карте района манёвров центра Санкт-Петербургской губернии»[81], число дворов в Анненском увеличилось до 22-х, но *«от старины здесь*

[69] Историко-статистические сведения. С. 285–286.

[70] Там же. С. 285.

[71] Там же. С. 286.

[72] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_1916-petrogradskaya.

[73] Историко-статистические сведения. С. 284. Это единственное, что сказано о Тихвинской церкви в кн.: *Пыляев М. И.* Указ. соч. С. 88 (впервые выпущена в 1889 г.).

[74] Историко-статистические сведения. С. 284.

[75] [*Сутягина Л.Э.*] Храмы Шлиссельбургского уезда // Кировский район. С. 148.

[76] Историко-статистические сведения. С. 286.

[77] Скорее всего, это опечатка, к сожалению, далеко не единственная в «Историко-статистических сведениях». Должно быть: 9-я неделя (11/24 июня), когда совершается празднование иконы Божией Матери, именуемой «Достойно есть» («Милующая»).

[78] Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. X. Частновладельческое хозяйство в Шлиссельбургском уезде. СПб., 1889. С. 32–33. Здесь же (с. 2–3) к мызе Анненской ошибочно причислено имение А. П. Коханова (2-я треть XIX в. — 1903). На самом деле — это часть бывшей мызы Яковлевской.

[79] *Седова Н.* В поисках утраченного // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 7 сент. № 167. С. 5.

[80] Дворянские усадьбы. С. 112.

[81] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_1913.

остались лишь маленькая хорошенькая церковь 1808 года <sic!> *при старом кладбище, да покосившийся, неприветливый бывший Кокошкинский помещичий дом*»[82].

В XX ВЕКЕ. ФИНАЛ

Протоиерей Александр Вашневский скончался 26 марта 1917 г. и, несомненно, был погребён при Тихвинской церкви. С 25 мая 1917 г. её шестым и, как оказалось, последним настоятелем стал Александр Иванович Быстров (1871–1938), окончивший Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1891 г. и рукоположенный во священники в 1905 г. Он перешёл сюда из Троицкой церкви села Щеглово Шлиссельбургского уезда. «*Был отзывчивым и добрым батюшкой. Никому не отказывал в помощи. Навещал, исповедовал, причащал на дому больных. Если звали к тяжело больным, умирающим, то переправлялся в любую погоду на лодке через Неву, зимой — по льду. У о*<тца> *Александра была семья. В семье были дети (сыновья Борис, Константин и дочери)*»[83].

Впервые его арестовали в 1918 г., повторно — 8 декабря 1937 г. по обвинению в том, что, «*будучи враждебно настроенным по отношению к Сов*<етской> *власти, вёл антисоветскую агитацию. Призывал верующих против коммунистов. Клеветал на руководителей ВКП(б) и Сов*<етского> *правительства. Призывал колхозников не выходить на работу и дискредитировал колхозную систему. Вёл агитацию против Сталинской конституции, стараясь сорвать этим выборы в Верховный Совет СССР*»[84]. Осуждён 25 декабря Особой тройкой УНКВД Ленинградской области, расстрелян 2 января 1938 г., погребён на Левашовской пустоши. Реабилитирован 26 июля 1989 г.

После его ареста Тихвинская церковь не действовала. Она «*была изумительно красива. <…> круглая, а сбоку были две колонны и под сводами стояли два памятника тёмного гранита. На них были металлические шлемы с перекрещенными саблями или шпагами <…>. Были похоронены два брата… Много было склепов, но их разрушили во время войны. Один из памятников Кокошкиным долго валялся в кювете, но и его в 1960-х годах увезли*»,— вспоминал один из старожилов, А. Карпов, в начале 1990-х гг.[85]

Официально храм был закрыт в 1940 г. В нём устроили клуб. «*Настлали деревянные полы, а алтарь использовали как сцену*»[86]. Один из бывших церковных домов занимала школа.

Само село Анненское после революции было центром Анненского сельского совета Ивановской волости Шлиссельбургского уезда, с февраля 1923 г. — Октябрьской волости Петроградского (с 1924 г. Ленинградского) уезда, с февраля 1927 г. — Мгинской волости Ленинградского уезда. При образовании Ленинградской области, с 1 августа 1927 г. — в составе Мгинского (в 1930–1931 гг. Путиловского) района[87]. В 1928 г. население Анненского — 526 человек. В 1933 и 1936 гг. его административный статус указан как деревня[88]. В состав Анненского сельсовета входили деревни Лобаново, Медное, Московская Дубровка, Мустолово. Общее население сельсовета на 1 января 1933 г. — 1008 человек.

На обзорной карте Восточной Европы из «Атласа РККА» (1940)[89] название дано в форме *Аненское* (очередная ошибка). На карте РККА Ленинграда и окрестностей (1941)[90] в нём показано 86 домов. По другим военным топографическим картам (1941 и 1942)[91] — на один дом меньше.

Анненское и соседнее с ним Мустолово были захвачены немецкими частями 6 сентября 1941 г. в 21 час[92]. «*…поздно вечером*

[82] [*Врангель Н. Н.*] Старые усадьбы: очерки рус. искусства и быта. СПб., 1910. С. 59; *Он же.* Старые усадьбы: очерки истории рус. дворян. культуры. СПб., 1999. С. 149–150.

[83] Цит. по электронной базе жертв политических репрессий в СССР «Открытый список». См.: https://ru.openlist.wiki/Быстров_Александр_Иванович_(1871).

[84] Цит. по электронной базе данных «За Христа пострадавшие. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.». http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans.

[85] Цит. по: *Седова Н.* В поисках утраченного // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 7 сент. № 167. С. 5.

[86] Там же.

[87] Справочник по истории административно-территориального деления Ленинградской области: [в 9 т.] / Ленингр. гос. архив Окт. рев. и социалистич. строительства; сост.: А. С. Дубин, П. Г. Лебедева. Л., 1969. Т. 2. Л. 62, 64, 66; Т. 3. Л. 45 (машинопись; экз. ЦГА СПб.).

[88] Административно-территориальное устройство Ленинградской области: [по состоянию на 1 янв. 1933 г.] / [сост.] П. Е. Рыкшин. Л., 1933. С. 51, 281; Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области: [по состоянию на 1 янв. 1936 г.] / сост. Ф. И. Богомолов, П. Е. Комлев; под общ. ред. А. Ф. Нужного. Л., 1936. С. 26, 165, 257 (при последнем упоминании — «сел<о>»).

[89] См.: www.etomesto.ru/map-atlas_rkka10.

[90] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_rkka-250m.

[91] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_genshtab-1941 и http: www.etomesto.ru/map-peterburg_rkka-tosno; ср.: *Жеребов Д. К., Соломахин И. И.* Семья январских дней: прорыв блокады Ленинграда, 12–18 янв. 1943 г. Л., 1987. С. 77.

[92] *Суходымцев О. А.* Роковой сентябрь сорок первого // Плацдарм: «Невский пятачок», 1941–1943: сб. ст. СПб., 2013 (далее: Невский пятачок). С. 26; *Новиченко С. Л., Суходымцев О. А.* 900 дней на линии фронта // Кировский район [Ленинградской обл.]: Военными дорогами Приладожья: практич. путеводитель / авт. идеи и отв. ред. И. Н. Стоян. СПб., 2020. С. 13.

Памятный камень у южной границы Невского пятачка – северной окраины села Анненского. Фото автора. 2020

деревня загорелась, началась беспорядочная перестрелка, и всё стихло через некоторое время. Наутро мы побежали смотреть, что осталось от села. Мы шли по завалам деревьев, домов, телеграфных столбов к церкви. Она была не тронута»,— вспоминал А. Карпов[93].

Судьба села, попавшего на передовую линию огня, оказалась предрешена. Оккупанты создали здесь узел сопротивления. Запланированное в октябре 1941 г. наступление войск Ленинградского фронта через Анненское и Арбузово (вторая попытка деблокады Ленинграда) не удалось[94].

В ходе Синявинской наступательной операции августа — октября 1942 г. (четвёртая попытка прорыва блокады) *«3 сентября войска Ленинградского фронта форсировали Неву на участке Анненское — 1-й Городок, но из-за сильного сопротивления противника и вследствие недочётов в самой организации наступления <…> были вынуждены отойти на исходные позиции»*[95].

Через три недели с целью расширения Невского пятачка была произведена повторная попытка создать плацдарм в Анненском, но он продержался только два дня 28–29 сентября 1942 г.[96]

Положение, сложившееся в ходе ожесточённых боёв, развернувшихся в июне — августе 1943 г. при проведении Мгинской операции, отражено в дневниковой записи Вс. Вишневского (21–22 июля): *«Берег, занятый немцами, близко (не более 800 метров). Ясно виден поворот Невы, роща, устье Мойки, совершенно разрушенное село Анненское: домов нет,— сгорели, торчат одни кирпичные трубы; руины церкви и школы»*[97].

Окончательно территория села была освобождена в январе 1944 г. После войны село не возродилось, как и все остальные населённые пункты Анненского сельсовета. В последний раз несуществующее Анненское показано на карте окрестностей Ленинграда в «Атласе СССР» 1947 г.[98]

Официально из учётных данных Аннинский сельсовет исключён постановлением Секретариата Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 октября 1950 г. С упразднением 9 декабря 1960 г. Мгинского района нежилая местность была передана в Тосненский район; с 1 апреля 1977 г. — перешла в состав Кировского района.

Следы разорённого старинного кладбища в Анненском сохранялись долго. По свидетельству А. Шатрова: *«Ещё в молодости, проезжая каждое лето на велосипеде по Шлиссельбургскому шоссе на Невский пятачок, в Кировск или Петрокрепость, я неизменно останавливался здесь передохнуть, полюбоваться пейзажами и послушать жаворонков, которые поют над полями в этом месте. Странно пустынным выглядел этот берег, а одинокая автобусная остановка не оживляла этот пейзаж, а, наоборот, дисгармонировала с ним. Кроме окрестных видов, меня привлекала к себе небольшая могильная плита серого полированного гранита, блестевшая на солнце, обросшая кустами шиповника и, очевидно, отброшенная взрывом со времён войны со своего исконного места. На этом надгробном камне отчётливо прочитывалась надпись <…>: "Лейб-гвардии Преображенского полка прапорщик Владимир Сергеевич Кокошкин скончался 21 мая 1846 года на 21 году своей жизни в Санкт-Петербурге".*

За давностью лет не могу ручаться за правильность даты смерти, но что это было в мае и ему был 21 год, это совершенно точно. Каждый раз я подходил к плите, к этому созданному мной образу молодого человека, как к другу, даже предвкушал встречу, и, стоя со своим велосипедом над его могильной плитой, я внутренне спрашивал себя: какой же романтикой была овеяна его короткая жизнь, отчего он так рано ушёл из жизни и почему был похоронен именно здесь, на невском берегу?

[93] Цит. по: *Седова Н.* В поисках утраченного // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 7 сент. № 167. С. 5.

[94] См.: *Агафонов А. П.* 265-я Выборгская Краснознамённая стрелковая дивизия на Невском «пятачке» // Невский пятачок. С. 114, 118, 123, 125, 149.

[95] [*Цамуртали А. Н.*] Вторая блокадная зима // Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967. С. 310.

[96] *Мосунов В. А.* Невский плацдарм в немецких документах. 1942–1943 годы // Невский пятачок. С. 267–268.

[97] *Вишневский Вс.* Дневники военных лет. Кн. 2. М., 2002. С. 151.

[98] См.: www.etomesto.ru/map-peterburg_1947obl.

Анненский скит на месте бывшего села Анненского. Фото автора. 2020

Были на этом искромсанном войной и заброшенном маленьком кладбище на самой вершине невского берега и другие могильные плиты, значительно хуже сохранившиеся, надписей на которых я уже не помню.

Очевидно, в начале или середине перестроечных времён надгробного камня Владимира Сергеевича на своём месте не оказалось — к моему прискорбию он бесследно исчез»[99].

В 1985 г. Анненское было увековечено на гранитных плитах памятника «Призрачная деревня», открытого на месте бывшей деревни Арбузово — в перечне 38 населённых пунктов Кировского района, полностью уничтоженных в годы Великой Отечественной войны.

…Спустя десятилетия люди всё-таки вернулись сюда. В 1991 г. на правом берегу Мойки близ её устья, восстанавливая традиции старой веры, широко распространившейся в Южном Приладожье уже в XVII в.[100], местный житель, церковнослужитель Сергей Зиновьевич Чиж, основал Анненский скит (Ан<н>инский погост) Православной единоверческой общины Тихвинской иконы Божией Матери.

В традициях древнего русского деревянного зодчества в скиту возведены: крестильная Тихвинская часовня-храм (1994) — освящена 20 марта 2000 г.; главный храм Преподобного Сергия Радонежского (2006) — освящён в 2013 г.; храм-усыпальница во имя священномучеников-единоверцев Симона Охтенского и Андрея Уфимского (2011), колокольня и жилое строение. С ноября 1996 г. в ведении скита находится Братский участок с поклонным крестом на Арбузовском кладбище.

[99] *Шатров А.* На высоком берегу Невы // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 22 июня. № 112. С. 6.

[100] См.: *Безносюк И.* Старообрядцы в приладожских лесах; *Она же.* Нестёртый образ Шлиссельбургского уезда. [СПб.], 2013. С. 85–99; *Она же.* Староверы: Шлиссельбургский и Новоладожский уезды: (историч. очерк по архивным документам). СПб., 2015; *Она же.* Староверы. Сологубовка // Кировский район. С. 154–157.

М. П. ТУПИЦЫНА

ИСТОРИЯ ПЛАТФОРМЫ ДУДЕРГОФ

Первого июля 2020 г. железнодорожной платформе в Дудергофе исполнилось 145 лет. За время своего существования она меняла местоположение, название и статус, но в юбилейный год историческое имя вернулось. Возрождение названия платформы Дудергоф — прекрасный повод вспомнить, как всё начиналось, тем более что информационные источники по этому вопросу часто грешат неточностями. Изначально Дудергофу была уготована всего лишь участь железнодорожного разъезда… Но начнём по порядку.

ПРОЕКТ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ЧЕРЕЗ ДУДЕРГОФ

В октябре 1858 г. Общество Балтийской железной дороги — не государственное, а коммерческое предприятие — начало постройку III участка дороги от станции Лигово (на тот момент — ещё Красносельская) до Красного Села. Дорога длиной в 11 вёрст и 300 саженей была открыта для движения 16 июня 1859 г.

В 1871 г. Правление Общества Балтийской железной дороги проектирует путь от Красного Села до Гатчины (в документах того времени чаще встречается форма названия Гатчино). Военное ведомство пристально следило за этим строительством, так как ежегодные летние манёвры были связаны с перемещением большого количества военных. Тогда же военное ведомство подало прошение о строительстве железнодорожной платформы, желательно рядом с Большим и Авангардным лагерями. Уже летом 1871 г. проект платформы для высадки войск на 2-й версте от Красного Села был готов. Расчётная смета на строительство платформы составляла 5000 рублей.

Тогда же, в 1871 г., в планах строительства была обозначена Дудергофская полустанция «*на 19 версте от Гатчино*». Полоса, отчуждаемая под полотно железной дороги на полустанции Дудергоф, составляла 2 десятины, земляные работы производились в объёме 700 куб. саженей, в то время как на станциях, в отличие от полустанций, — в объёме 1000 куб. саженей. На полустанции должна была находиться «*будка сторожевая на каменном фундаменте, деревянная из брёвен, крытая железом, при ней забор и маленький сарай*». Вместе с полустанцией

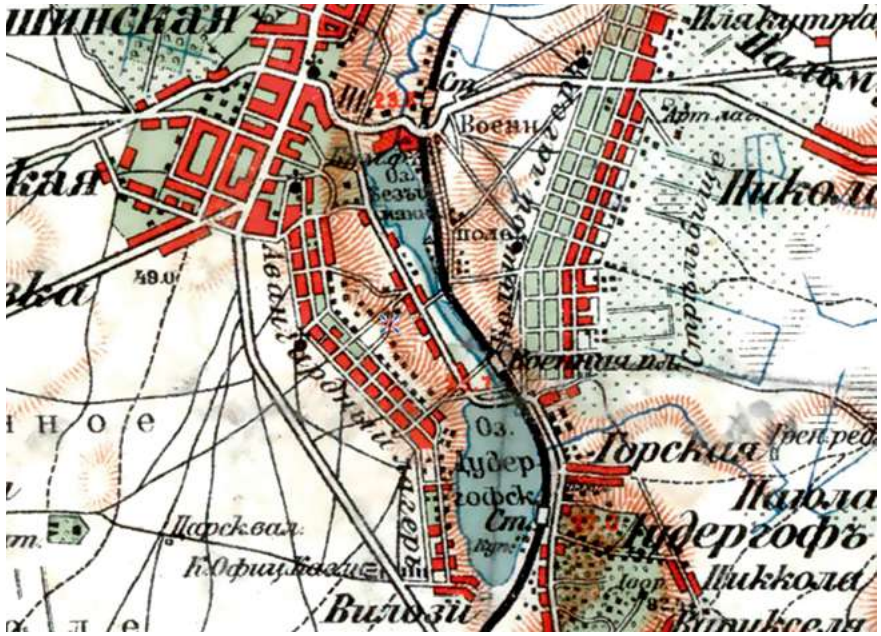
полагалось устроить казарму для ремонтных рабочих. Двор на полустанции мостили щебнем[1].

Технически это был просто разъезд, необходимый для скрещения поездов на однопутной линии[2], а также для обгона медленных поездов более скоростными, изначально посадка и высадка пассажиров здесь не предусматривались. Надо сказать, что в дореволюционной железнодорожной терминологии существовала некоторая путаница. В одних источниках можно прочесть, что разъезды подразделялись на полустанции (превратившиеся в разговорном языке в полустанки) и телеграфные посты, в зависимости от наличия или отсутствия приёма пассажиров. При этом полустанции не были тарифными пунктами, то есть пассажир оплачивал проезд всего перегона от предыдущей или до следующей «полноценной» станции[3]. В других источниках такого чёткого разделения нет, то есть на разъездах-полустанциях высадка пассажиров могла производиться или не производиться, они могли быть как тарифными, так и нетарифными пунктами[4]. Второй подход как раз и соответствует всей истории полустанции в Дудергофе.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

За земляные работы по отсыпке полотна будущей дороги взялся подрядчик Дубасов, крестьянин Смоленской губернии. Контракт с ним был заключён 22 марта 1872 г. Работы должны были начаться 1 мая того же года, а завершить их вчерне надо было на всем протяжении к 15 августа, не доходя до Гатчины 12 вёрст. Все расходы на лечение заболевших и погребение умерших рабочих подрядчик брал на свой счёт. Подряд включал в себя ряд дополнительных условий. Дубасов обязался в насыпи на озере близ Красного Села «*сыпать бесплатно на осадку слой 10 % свыше проектной высоты, не уменьшая проектной ширины верха полотна, и откос делать несколько круче. Откосы засевать тимофеевой травой или клевером. Для устройства дамбы на озере ссыпку земли брать рядом, но не засорять воду, дабы грязь не дошла до писчебумажной фабрики*»[5].

Работы по строительству этого однопутного участка Балтийской железной дороги начались 27 марта 1872 г., а уже 12 декабря того же года дорога в 21 версту 84 сажени была открыта. Буквально за день до этого был утверждён проект за № 1229 платформы для военных нужд на 20-й версте от Гатчины. В 1873 г. платформа, располагавшаяся севернее железнодорожного переезда у начала Долгого озера, была введена в действие, военные при проезде пользовались льготным тарифом. Платформа Военная просуществовала до конца 1960-х гг[6].



Фрагмент карты окрестностей Санкт-Петербурга. Сост. Ю. Ю. Гаш. 1909

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЫ В ДУДЕРГОФЕ

За три месяца до открытия железнодорожного сообщения Красное Село — Гатчино в Правление Общества Балтийской железной дороги поступило ходатайство от заведующего дворцовыми загородными зданиями полковника С. П. Дмитриева. В ходатайстве

[1] О работах за счет 4500000 р. по устройству соединительной ветви от Красного Села до линии Балтийской железной дороги 4 участка, 1871 г. // РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 140. Л. 2.

[2] Скрещение поездов — «*процесс встречного движения поездов на станции однопутной ж.-д. линии. Для скрещения один поезд принимается на боковой путь станции, а другой (встречного назначения) пропускается по главному пути*» (Железнодорожный транспорт: энциклопедия / гл. ред. Н. С. Конарев. М., 1994. С. 393). — *Ред.*

[3] Начала строительного искусства и курс железнодорожного дела. Изд. 4-е, испр. и доп. / сост. П. М. Афросимов. СПб, 1912. С. 153.

[4] *Карейша С. Д.* Курс железных дорог. Отд. II. Станции. СПб, 1912. С. 11.

[5] РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 140. Л. 63–72.

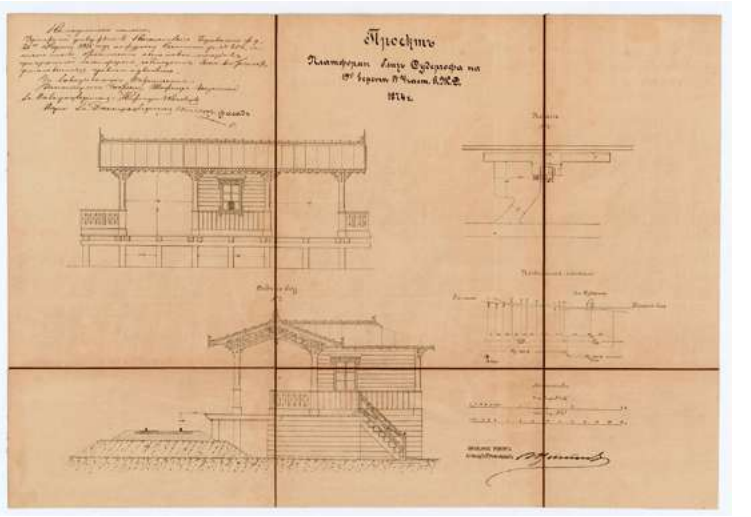
[6] См.: Атлас железных дорог СССР / М-во путей сообщения. М., 1968. Л. 14а.

содержалась просьба о строительстве пассажирской платформы против мызы Тайцы и, если возможно, против фермы Дудергофского имения Его Высочества великого князя Михаила Николаевича, на 18-й версте от Гатчины. Платформу предполагалось использовать только летом. Подсчитав расходы, правление решило, что это строительство технически будет очень сложным и дорогим. Против самой горы по профилю уклон составляет 0,008, земляных работ потребуется около 1000 куб. саженей. Тогда правление предложило устроить эту платформу у подошвы 1-й горы (Вороньей) со стороны Красного Села, правда, платформа оказалась удалена от фермы на 350 саженей (750 м). Работы по проектированию и изучению технических параметров платформы взял на себя инженер-путеец В. К. Цейзих[7]. Переписка между правлением Балтийской железной дороги и полковником Дмитриевым растянулась почти на три года. Летом 1873 г. открылась военная платформа и платформа у мызы Тайцы, а про дудергофскую платформу по-прежнему шли одни разговоры.

Тем не менее, жизнь диктовала свои условия. В том же 1873 г. великий князь Михаил Николаевич дал согласие на сдачу в аренду под строительство дач участков земли в своём Дудергофском имении. С ростом дачного строительства отсутствие платформы становилось очень неудобным. Дачникам приходилось доезжать до Красного Села, там нанимать извозчиков и ехать в Дудергоф. Но в 1873 г. дело не сдвинулось ни на шаг, хотя полковник Дмитриев настойчиво писал в Правление письма с просьбой ответить, как продвигается вопрос о строительстве. В феврале 1874 г. Правление предложило построить павильон для пассажиров на военной платформе, а платформу у фермы не строить, так как платформа «*должна быть расположена при конце уклона в 0,008, который имеет в длину 850 саженей и потом приходит на горизонтальную линию в 621,91 саженей длиной при следовании в Красное Село. При выходе из закругления на 18-й версте необходимо большое усилие, чтоб удержать состав, это может создать аварийную ситуацию на дороге*». Придворную контору великого князя такое объяснение не устроило.

Настойчивость полковника Дмитриева заставила Правление начать хоть какую-то работу. В марте 1874 г. председатель Правления барон Александр фон Пален в своём докладе заявил, что

[7] Об устройстве платформ по Балтийской ЖД, 8 июля 1872 г. // РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 179. Л. 7.



Проект платформы близ Дудергофа на 19-й версте IV участка Балтийской железной дороги. 1874. РГИА. Ф. 350. Оп. 43. Д. 480. Л. 1

строительство платформы крайне необходимо; 15 мая полковник Дмитриев просит сообщить, когда платформа будет готова, так как в скором времени ожидается прибытие великого князя Михаила Николаевича; 23 мая 1874 г. в Правление от инженера пути Шепетова поступил проект устройства ветви с пассажирской платформой «*у Дудергофской мызы на 19 версте от Гатчино*»[8].

Означенную платформу предполагалось построить у пикета № 503 около выемки в 1,01 сажени, которую следовало расширить для устройства при ней тёплой будки малого образца для размещения кассира или сторожа платформы. Кроме того, перед платформой предполагалась площадка и подъезд до ближайшей существующей дороги, чтобы пассажиры в экипажах могли свободно прибывать на платформу.

Платформа должна была строиться по типу существовавшей платформы у временного пассажирского здания Финляндской железной дороги в Петербурге с двускатной крышей и уширением в 0,90 саженей на 2,30 саженей в крытой части длиной 10 саженей, при общей длине 30 саженей. Будку предполагалось строить из брёвен размером 2 сажени в дли-

[8] Дело Правления Общества Балтийской железной дороги об устройстве остановочного пункта у Дудергофа, 1874 г. // РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 214. Л. 5.

ну и 1,5 — в ширину, с маленьким тамбуром при входе и с двумя окнами по бокам, в одном из которых должна была производиться продажа билетов. Крыши над будкой и над платформой предлагалось сделать из 13-фунтового железа. Для входа на платформу предполагалось с обеих сторон будки построить лестницы в 5 ступенек двухаршинной ширины, посредством которых платформа сообщалась бы с подъездом. Смета на строительство составляла 8253 руб. 31 коп. Такая большая сумма не устроила придворную контору[9].

Суммы затрат на строительство платформы стали постепенно уменьшаться: 10 июня 1874 г. Управляющий дорогой представил проект за № 7175, в котором смета равнялась уже 1595 руб. 12 коп., а в декабре смета уменьшилась до 761 руб. Менялись и параметры платформы. Полковник Дмитриев вновь просил Правление сообщить, как продвигается строительство.

Проект и смета в 991 руб. 88 коп. были окончательно утверждены 26 марта 1875 г. Расходы по строительству брало на себя Правление железной дороги, решив отнести их на счёт доходов от её эксплуатации. Платформу решили устроить 20 саженей длиной и 1,55 саженей шириной при высоте 0,47 саженей по «высокому» типу, посередине устроить крытую галерею в 5 саженей, крышу сделать двускатной.

ОТКРЫТИЕ ПЛАТФОРМЫ ДУДЕРГОФ

Для того чтобы осмотреть готовую платформу, 28 мая 1875 г. в Дудергоф приехал полковник Дмитриев, а 1 июля платформа Дудергоф начала действовать. Располагалась она тогда почти напротив современной Республиканской улицы, что видно на старых планах. На Дудергофском разъезде дачный поезд становился на вторую ветку, если надо было пропустить скоростной ревельский.

Казалось бы, живи, дачник, и радуйся, но не тут-то было. Поезда в Дудергофе останавливались только в дачный сезон, с 15 апреля по 15 октября, причем не все. Платформа была предназначена только для высадки пассажиров, но не для выгрузки багажа. Багаж по-прежнему прибывал в Красное Село, а оттуда на извозчиках его везли в Дудергоф. Если пассажир ехал от Лигова до Дудергофа, то он брал билет за весь перегон Лигово — Гатчино.

В 1876 г. от арендатора дудергофской дачи Феткула Бегишева, содержавшего ресторан по Дворцовому шоссе (ныне проспект Двадцать Пятого Октября), поступила просьба на имя П. А. Гельмерсена, начальника Правления Балтийской железной дороги. Он просил, чтобы летом в Дудергофе останавливались все поезда и чтобы на платформе принимали багаж и провизию, посланные на его имя. Бегишеву в этом отказали[10].

[9] Там же. Л. 12.

Расположение платформы на плане Дудергофского имения великого князя Михаила Николаевича. 1893. РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 85. Л. 1

Но было одно обстоятельство, которое заставило многих дудергофских арендаторов написать прошение об остановках поезда не только летом, но и зимой. Одним из условий аренды участка было обязательство за два года построить дачу и обнести её изгородью. За невыполнение этого требования арендатор терял право аренды. Это заставляло дачников часто бывать на даче, следить за постройкой.

Зимой 1878 г. подобное прошение поступило от многих дачников. В числе первых стояли имена известных людей: мозаичиста Александра Никитича Фролова, скульптора Александра Михайловича Опекушина и его брата Константина, скульптора Матвея Афанасьевича Чижова, его шурина Константина Бринкмана, скульптора Павла Козлова. Правление согласилось только на то, чтобы поезда на платформе Дудергоф останавливались с 15 марта и осуществлялась продажа билетов[11].

Летом 1879 г. архитектор П. С. Купинский сделал в Правлении Общества Балтийской железной дороги доклад о состоянии платформы Дудергоф. Характеристика была неприятная: «*Сторож*

[10] О поездах на Дудергофскую платформу // РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 295. Л. 6.

[11] Дело Правления Общества Балтийской железной дороги об устройстве остановочного пункта у Дудергофа. Л. 67об.

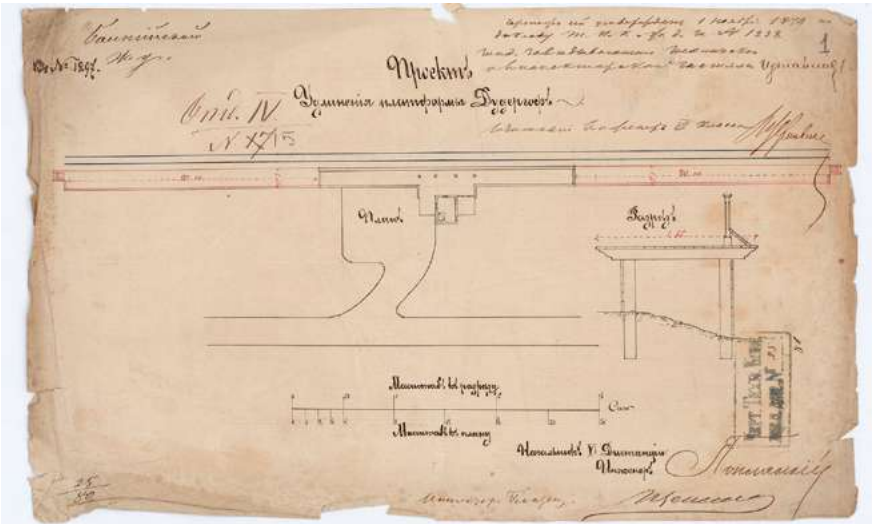
Подписи арендаторов Дудергофского имения. РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 214. Л. 67об.

сидит в какой-то щелястой будке, мёрзнет там, уходит куда-то греться. У ж.-д. будок приделаны из шпал пристройки для инструмента. С этим безобразием надо заканчивать». Купинский предложил удлинить платформу до 60 саженей и построить типовую тёплую будку для сторожа. Всё переустройство должно было обойтись в 717 руб. 64 коп. Но даже в мае 1880 г. подрядчика на эту сумму со скидкой в 10 % не нашлось. Нашли подрядчика со скидкой лишь в 2 %, и Правление на это согласилось[12].

РАЗРЕШИТЕ ОСТАНОВКУ

В это время строительство дач в Дудергофе шло полным ходом. В прошении от 28 сентября 1882 г. арендаторы сообщали, что построено около 200 дач, на которых проживает летом более 2000 дачников. Проблема в том, что дудергофский полустанок не введён в расписание поездов, летом остановки только по усмотрению начальства, а так приходится добираться на лошадях из Красного Села. Арендаторы просили разрешить остановки и зимой, хотя бы на один поезд утром из Петербурга и один вечером из Гатчины. Подписалось 129 человек из арендаторов и местных жителей, свою просьбу они подкрепили и тем, что расход на содержание платформы за шесть зимних месяцев в сумме 122 руб. 20 коп. арендаторы оплатили сами. Бюрократическая машина разворачивалась медленно. Попытки организации остановок были предприняты зимой 1883–1884 гг. Пассажир, желающий выехать из Дудергофа, должен был сообщить сторожу, тот выставлял красный фонарь — сигнал остановки. Пассажир, желающий выйти в Дудергофе, сообщал об этом обер-кондуктору, тот давал приказ машинисту об остановке. Но по какой-то причине эти

[12] О перестройке Дудергофской платформы, об устройстве сараев, 1879. // РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 349. Л. 23.



Проект удлинения платформы Дудергоф, 1879. РГИА. Ф. 350. Оп. 43. Д. 166. Л. 1

попытки были признаны Правлением неудачными.

В январе 1886 г. в новом прошении, подписанном И. И. Радушкевичем, А. Н. Фроловым и А. М. Опекушиным, содержалась статистика по Дудергофской платформе. Цифры впечатляли, за 1885 г. доходность от продажи билетов и перевозки грузов составила 30 тысяч руб. Не каждая полноценная станция могла похвастаться таким доходом!

Наконец, железнодорожное начальство смилостивилось, и с 10 мая 1887 г. было введено расписание, по которому ежедневное сообщение между Дудергофом и Санкт-Петербургом производилось девятью поездами. Лишь сквозные ревельские составы не имели остановки на четырёх платформах: Военная, Дудергоф, Пудость и Мариенбург. Решили проблему и с багажом, но только если он был не более трёх пудов весом на каждый пассажирский билет и составлял не более трёх багажных мест.

Однако 15 октября 1888 г. случилось несчастье — Дудергофскую платформу уничтожил пожар. Учитывая большой наплыв дачников (уже была возведена церковь Св. Ольги, строились инвалидные дома), Правление Балтийской железной дороги решило преобразовать платформу в остановочный пункт с продажей билетов и устройством телеграфного поста, при платформе построить и жилое помещение. Проект устройства платформы с планом представил

инженер М. Бенземан[13]. Уже к осени 1889 г. работа по переустройству платформы была выполнена.

КАК РОЖДАЮТСЯ МИФЫ

В Дудергофе отдыхала блестящая публика. Из-за близости военных летних лагерей среди дачников было много свитских генералов, гвардейских офицеров, здесь присутствовали и члены императорской фамилии. Возникла идея построить концертный зал на 600 зрителей. Архитектор С. П. Кондратьев разработал проект музыкального вокзала на месте казённой фермы.

К залу предполагалось подвести железнодорожную ветку, устроить платформу. Этот участок еще с 1875 г. был арендован отставным унтер-офицером Зиминым, который исправно платил за него 250 руб. в год. Зимин отремонтировал ферму, на ней был гостевой дом, конюшни, пытались даже содержать фазанов, но неудачно. На ферме был и хлев для племенных коров, их приводили с Царскосельской фермы на время летних манёвров. Молоко и сливки поступали в Молочный домик в Молочную (Театральную) долину. Строить зал на три летних месяца, да еще с платформой, придворная контора посчитала нерентабельным. Красивый проект так и остался на бумаге, зато в Дудергофе родился миф о «втором вокзале».

СТАНЦИЯ ДУДЕРГОФ

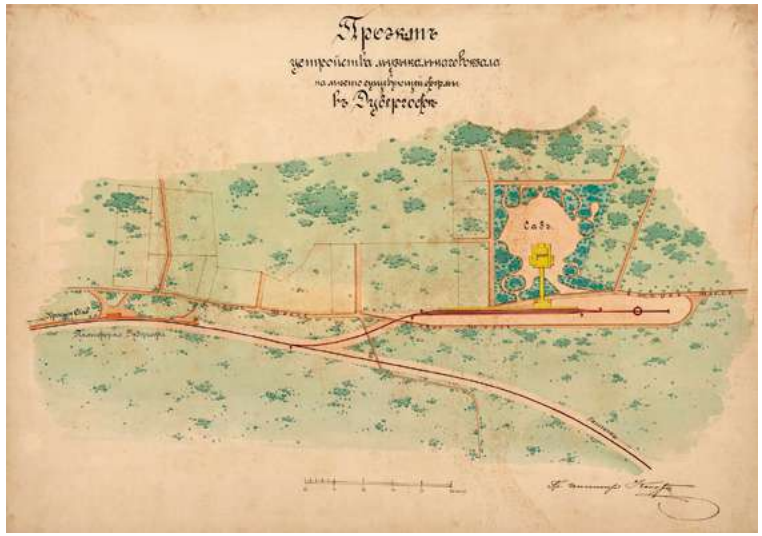
К 1899 г. Дудергоф вырос, застроился красивыми дачами. Основной массив богатых дач располагался между Царицыной долиной (современная Советская улица) и Театральной долиной (Театральная улица). Возникла и необходимость в «настоящем» вокзале. К 1898 г. был готов проект переустройства платформы Дудергоф с превращением её в полноценную станцию, но теперь она располагалась южнее, напротив Царицыной долины. На иллюстрации наглядно видно расположение старой и новой платформ, а также то, какой большой объём земляных работ нужно было провести для выравнивания опасного уклона. Но к этому времени (с 1 апреля 1893 г.) Балтийская железная дорога уже стала государственной…

Пассажирское здание на станции Дудергоф площадью в 85,12 кв. саженей обошлось в 14800 руб. Работы производились подрядчиком Кругловым из казённого материала[14]. Этот вокзал был построен в 1899 г. по проекту архитектора С. Н. Лазарева-Станищева в популярном тогда стиле эклектика. Многие элементы его планировки, убранства прослеживаются и в других зданиях вокзалов российских железных дорог, построенных в конце XIX — начале XX в. Да и не только вокзалов, но и дач, общественных зданий.

На момент постройки вокзала участок железной дороги Лигово — Гатчина был ещё однопутным, но уже на плане 1907 г. видны два пути. Второй путь на всём протяжении от Гатчины до Лигова был разобран советскими военными железнодорожниками при наступлении немецких войск в 1941 г.

В «Отчёте по эксплуатации казённых железных дорог» за 1900 г. сказано, что на Балтийской железной дороге все пассажирские здания деревянные, за исключением Санкт-Петербурга, Лигова, Сергиева, Стрельны, Нового и Старого Петергофа, Ораниенбаума, Гатчины-Пассажирской, Дудергофа и Ревеля. Как видим, Дудергоф стоит в ряду весьма достойных станций.

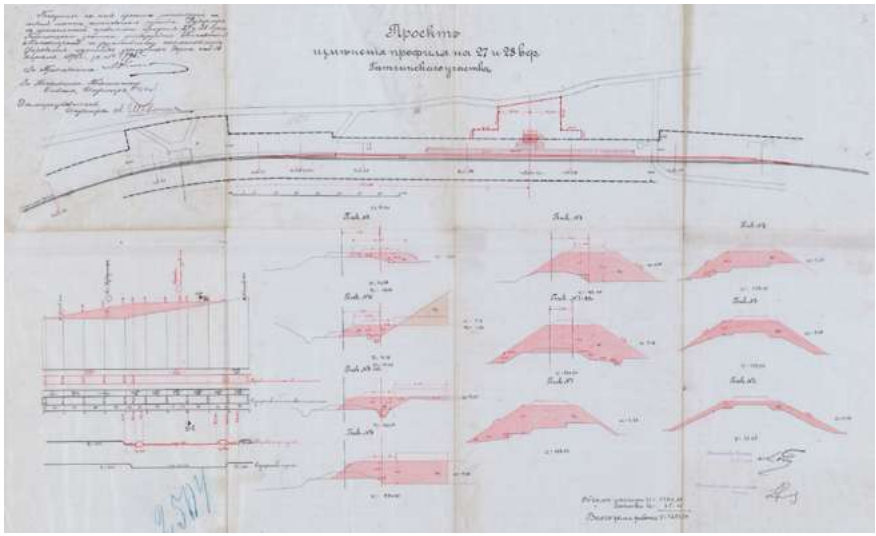
Законом Санкт-Петербурга № 174-27 от 23 июля 1999 г. вокзал был объявлен охраняемым памятником истории и культуры и включен в Государственный



Проект устройства музыкального вокзала на месте существующей фермы в Дудергофе. РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 84. Л. 1

[13] О проекте устройства Дудергофской платформы с жилым помещением, 1889 г. // РГИА. Ф. 295. Оп. 1. Д. 599.

[14] Станционные постройки Балтийской железной дороги // Зодчий. 1901. № 2. С. 23; Л. 8.



Проект изменения профиля на 27-й и 28-й версте Гатчинского участка. 1898. РГИА. Ф. 350. Оп. 43. Д. 100. Л. 2

список недвижимых памятников градостроительства и архитектуры местного значения (с ошибочным указанием года постройки — 1890). Только 17 октября 2016 г. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП) издал распоряжение № 10-550, чтобы взять вокзал под охрану как объект культурного наследия.

КГИОП 9 ноября 2016 г. составил охранное обязательство собственника или законного владельца объекта «Вокзал железнодорожной станции Можайская». В этом документе нет регистрационного номера вокзала как памятника регионального значения, отсутствует паспорт объекта. Историческая справка грешит неточностями. В декабре 2019 г. мы обратились в КГИОП с просьбой помочь нам найти проектные чертежи вокзала. Ответ был простой: «*Исторические материалы по объекту культурного наследия "Вокзал железнодорожной станции Можайская", расположенному по адресу: пос. Можайский, пр. Двадцать Пятого Октября, в отделе систематизации, популяризации и хранения документированной информации об объектах культурного наследия КГИОП отсутствуют. Предлагаем обратиться в Российскую национальную библиотеку*».

Вокзал в Дудергофе. Начало XX в. Из коллекции Н. Н. Воробьева

Платформа Дудергоф после возвращения исторического названия

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Станция Дудергоф, вновь обратившаяся в платформу после разборки второго пути, не поменяла своего названия при переименовании Дудергофа в Нагорное в 1944 г. Однако повторная смена названия посёлка в 1950 г., когда он стал Можайским, всё же привела и к переименованию остановочного пункта. Судя по тому, что в альбоме схем железных дорог за 1952 г. он ещё числится Дудергофом[15], а в таком же альбоме за 1955 г. уже обозначена Можайская[16], фактическая смена названия произошла в этот период времени[17].

Как известно, посёлок Можайский вошёл в городскую черту Ленинграда в 1973 г. вместе с Красным Селом. Его историческое название было официально восстановлено уже в качестве имени исторического района Дудергоф в 2016 г., а вот рекомендацию о возвращении названия остановочного пункта, по обращению местных жителей, Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга приняла только летом 2020 г. Приятно, что ОАО «РЖД» не стало затягивать с рассмотрением этой инициативы, и приказ о переименовании Можайской в Дудергоф вышел 27 октября 2020 г., в год 145-летия открытия платформы Дудергоф.

[15] Альбом схем железных дорог СССР / М-во путей сообщения. Главтранспроект. М., 1952. Л. 21.

[16] Альбом схем железных дорог СССР / М-во путей сообщения. Главтранспроект. М., 1955. Л. 23.

[17] В другом издании указано, что Дудергоф был переименован в Можайскую в 1950 г.; см.: *Архангельский А. С., Архангельский В. А.* Железнодорожные станции СССР: справочник. Кн. 2. М., 1981. С. 276. — *Ред.*

Е. Б. БЕЛОДУБРОВСКИЙ

МОЙ МАНДЕЛЬШТАМ

В № 2 (10) «Топонимического альманаха» за 2019 г. был опубликован очерк «Памятник строке поэта» — «Я вернулся в мой город…», которая высечена на мемориальной доске, посвящённой Осипу Мандельштаму и установленной на доме, где он жил на Васильевском острове. Автор очерка — известный петербургский историк литературы и библиограф Евгений Борисович Белодубровский. С нынешнего номера редакция журнала начинает печатать серию его очерков о великом поэте-петербуржце, о том, как именно его творчество отразилось в биографии автора, его друзей и коллег.

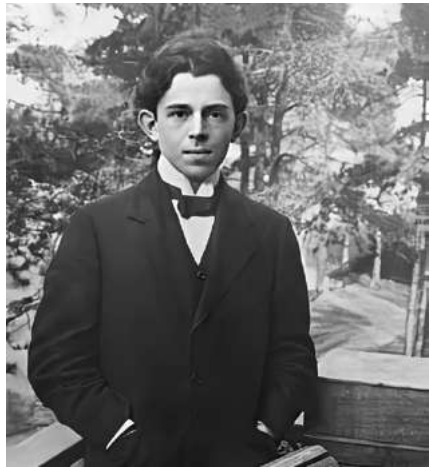
Вначале было Слово...
И это слово было — Мандельштам...

Ближе к концу 2020 г. я получил на адрес моей электронной почты извещение от «Мандельштамовского общества» о планируемых в Москве юбилейных мероприятиях в связи с 130-летием со дня рождения поэта (1891–2021). В связи с юбилеем, наступившим 15 (3 по старому стилю) января 2021 г., имею честь предложить несколько очерков или эссе о Мандельштаме и его поэзии. Эти темы неразрывно связаны с моей личной житейской и творческой жизнью, жизнью человека, вот уже более полувека сознательно занимающегося историей литературы XX в., архивным и литературным поиском. Бывало много удач, но в этой профессиональной деятельности важен не столько итоговый результат, сколько сам процесс, который ближе всего к труду старателя и книгочея…

Я появился на свет в Ленинграде 12 апреля 1941 г. Дворовый мальчик, с самого детства я мечтал быть писателем или учёным. Потому что родился и вырос в самом центре, в Нобелевском Доме, на самых углах Большой Конюшенной, Невского и Мойки, вблизи «Демутова трактира», Конюшенной площади, Шведского переулка, Эрмитажа… И рядом с тем самым домом, где в съёмной квартире, весь в долгах и малых детях, среди любимых книг умер великий Пушкин и где (бывают, бывают, ещё как «бывают странные сближенья»!) в верхних этажах жили-были по коммуналкам мои закадычные друзья и одноклассники.

Моё дворовое прозвище — «Пушкин»…

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ



Впервые стихи Осипа Мандельштама (по-настоящему, то есть, всерьёз и — надолго, до седин) я услышал в доме ленинградского скульптора Леонида Абрамовича Месса. Крепкий, поджарый, немногословный англизированный тенишевец — твидовый пиджак, галстук, вельветовые брюки. Крепкое рукопожатие — основной материал мастера: камень, глина, резец. Строгий внимательный, я бы даже сказал — пристальный, испытующий, тревожный взгляд. Но только на первых порах…

Второй-третий визит, и картина меняется. Вот, убрав правую ладонь за спину, другой рукой слегка наклонив голову, он приглашает меня в свой полу-кабинет. Открывает дверцу во весь угол стоящих длиннющих, стройных, словно на часах — часовых, старинных часов, снимает заводной ключик и открывает им притулившийся тут же рядом резной книжный шкапчик — горку красного дерева с тёмными занавесочками. За ними на полочках, тесно прижавшись, от мала до велика — папки, книги, книжицы, альбомы.

Как говорится, «отдельной строкой», явно скроенные на один манер, переплетённые своелапно хозяином, стояли не по ранжиру разновысокие изящные (я бы сказал — приталенные) томики стихов. Целая библиотечка поэзии так называемого «серебряного века». В лицах (обложках) и положениях. Потом — так! — наугад выбирая из этой поэтической «коммуналки» какой-то сборник или книжицу, Леонид Абрамович раскрывал её на любом месте. И своим тихим глуховатым голосом читал текст, сопровождая короткой репликой или доверительным рассказом (не называя подчас имени автора, хотя многих из них, особливо петербургских и ленинградских поэтов, скульптор знавал лично или слышал со школьной сцены своей alma mater — Тенишевского училища). Сей дом-фасад легко найти. С Московского вокзала по Невскому дойти до волшебной Фонтанки. И по правой стороне, не переходя Аничков мост, свернуть вдоль набережной. И прошагать мимо здания с читальными залами Публички (бывшего Екатерининского института) и решётки Шереметевского

дворца (славная прогулка, пальчики оближешь!) по ветерку до следующего гнутого мостика Белинского, где Цирк Чинизелли, а там до училища рукой подать…

Эти наши «посиделки» происходили, как правило, по весне и воскресным дням (и непременно по приглашению) в Зеленогорске, на уличке около центрального рынка, в квартире Л. А. Месса, его жены Людмилы Степановны и их дочери — Ирины (с которой мы вместе учились на подготовительных курсах в Ленинградский университет). Квартира была на втором этаже. На первом находился магазин «Союзмолоко», в котором в будние дни с утра до вечера рабочие и продавцы с беспощадным скрежетом и грохотом таскали или катали по кафельному полу бочки, бидоны или тарные ящики. Это приводило мирных и терпеливых жителей верхних двух или трёх (не помню уже) этажей в ужас и полное уныние. Помню, как Леонид Абрамович, именитый член Союза художников СССР, несмотря на почти патологическую скромность и сдержанность, однажды решившись на борьбу с этими душераздирающими звуками и бесцеремонностью, поручил мне собрать с окрестных жителей подписи с жалобой на магазин. Что я и исполнил. И доставил в ЖАКТ. Результат: им и ещё нескольким семьям власти городка предоставили «тихую» квартиру «той же мощности» во дворе того же дома. Я был счастлив.

«Здравствуйте, Женя! Надеюсь, Женя, Вы будете у нас к чаю… Ничего не привозите с собой, только себя. Мы с женой и с Ирочкой ждём. Электричка в 15.40. Вам удобно... Берите автобус. Две остановки от вокзала».

Однажды одно из таких приглашений я получил от Леонида Абрамовича и его жены Людмилы Степановны в первых числах апреля 1971 г. Оно было необычным. По почте, открыткой с видом на «Дом Адамини», который замыкает канал Грибоедова. И если смотреть с Невского, с горбатого моста, этот дом гениальным классическим фасадом открывает любому «гуляке праздному» панораму Марсова Поля с Конюшенной площадью, немного испорченную «Спасом на крови» архитектора Парланда.

Открытка была даже с уведомлением о получении. Текст в точности не помню, но там было сказано, что мне надлежит прибыть в Зеленогорск 11 апреля к четырём часам дня на 40-летний юбилей одного малоизвестного стихотворения «Осипа Эмильевича». И в самом низу, бисером, втиснуто торопливым почерком Людмилы Степановны расписание ближайших электричек... Тут я должен сказать, что в том заповедном шкапчике-горке, отдельно, в стороне от всех, на особом месте под козырьком и в отличном от иных, крапом рогожном переплёте стояли (опять же как воины — в строю) аккуратные прижизненные сборники любимого поэта Месса, старшего его одноклассника по «Тенишевке» (он сам родился в 1906 г.), Осипа Мандельштама. А рядом белыми торцами кирпичной кладкой лежали синие крепко сбитые толстенные тома известного вашингтонского четырёхтомного собрания сочинений Мандельштама (издательство им. Чехова, под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова) с выбитым выпуклым профилем — медалью-портретом поэта на обложке по фотографии М. Наппельбаума. И чуть ниже — заботливо «спелёнутый» самим Леонидом Абрамовичем «конволют-альбом» вырезок из русской журнальной и иной периодики статей и публикаций самого Поэта и о нём…

Оказалось, что этим 11-м числом месяца апреля, только весьма далёкого 1931 г. было датировано (самим Мандельштамом, по авторизованной рукописи, сохранённой Надеждой Яковлевной Мандельштам; см. четырёхтомник Струве) стихотворение:

Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня,
За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня,
За музыку сосен савойских, Полей Елисейских бензин,
За розу в кабине рольс-ройса и масло парижских картин.
Я пью за бискайские волны, за сливок альпийских кувшин,
За рыжую спесь англичанок и дальних колоний хинин.
Я пью, но ещё не придумал — из двух выбираю одно —
Весёлое асти-спуманте иль папского замка вино.

Это и вправду был праздник поэзии. На этот раз мы сидели на кухне, Людмила Степановна и Ирина испекли пирог, Леонид Абрамович был строг, серьёзен. Встав на стул, он вытянулся перед нами и, необычайно высоко задрав рыжеватую лысую голову и размахивая руками, как дирижёр (так это проделывал, по личному свидетельству Месса, сам поэт), прочёл (вернее будет — продекламировал, или ещё точнее — пропел) это стихотворение. За ним, под аплодисменты, им было прочитано-пропето ещё с добрый десяток стихотворений Осипа Эмильевича. Мы пили чай с какой-то самодельной дачной «асти-наливкой»... Вечером, провожая меня на электричку, Леонид Абрамович подарил мне к моему на-завтрашнему дню рождения переплетённый в рогожку и разрисованный им самим самиздатский машинописный пергаментный томик стихов Осипа Мандельштама на английской бумаге… «*Обратите вниманье на рисуночки внизу… Номерки страниц… Это не мои, это Анны Петровны (Остроумовой-Лебедевой)*…».

Так вошёл в мою жизнь Осип Мандельштам.

М. Г. ТАЛАЛАЙ

НОВАЯ АНГЛИЙСКАЯ КНИГА О ТОПОНИМИКЕ

Deidre Mask, «The Adress Book. What Street Addresses Reveal About Identity, Race, Wealth, and Power» [Адресная книга. Что уличные адреса рассказывают о идентичности, расе, богатстве и власти], N. Y.: St. Martin's Press, 2020, 390 p.

Оставив в стороне *научную* литературу по ономастике, и в особенности — исследования по этимологии названий, заметим, что научно-популярные книги по топонимике редки. Ещё более редки тексты о топонимах как инструментах политики.

Эта тема, конечно, волнует общественность, и в периодике, а теперь и в Сети, часто встречаются страстные обсуждения тех или иных наименований. Но обычно это — локальная дискуссия, разворачивающаяся вокруг конкретного топонима и затем быстро иссякающая. При этом в дискуссию часто вовлекаются широкие массы, так как *любой* заинтересованный человек чувствует себя компетентным в сфере переименований и новых номинаций.

И уж совсем редко появляются тексты, подобные книге Дейдр Маск, переехавшей в Лондон американской публицистки, где даётся *планетарный* обзор проблемы. Именно поэтому эта книга получила заслуженный международный успех: её сразу же перевели на несколько европейских языков (автор рецензии ознакомился с ней в итальянской версии, которая вышла в том же 2020-м году, что и английский оригинал).

Перед нами — не научная монография, и поэтому её планетарность имеет лоскутной характер: с карты земного шара отобраны хорошо знакомые автору участки — США, Германия, Индия, Лондон, Рим, Париж и ещё несколько стран и городов. Хотя об этом нигде не говорится, но, скорее всего, книга составлена из прежде написанных очерков, где стержнем проходит ономастическая страсть автора. По сути — это репортажи, в ходе которых Дейдр Маск встречает людей, посещает те или иные уголки мира, проводит своё ономастическое расследование.

Ключ к проблеме она сразу же декларирует в предисловии: для автора топонимика, в первую очередь, — это безусловный инструмент власти. И тут, конечно, мы с ней согласимся, но с оговоркой, что речь идёт о новейшей истории, когда *волевая* номинация всецело возобладала над номинацией *стихийной, народной* (воспользуемся давно уже предложенными нами терминами, обозначающими номинативные акты, спущенные сверху, и наименования, порождённые снизу).

Д. Маск ощущает разницу между этими двумя номинативными процессами, но предлагает свои категории, которые, как нам кажется, менее эффективны: она разделяет номинацию *описательную* (*Главная, Церковная, Рыночная* и прочие улицы) и номинацию посвятительную (коммеморативную), то есть названия в честь кого-то или чего-то. Конечно, такое разделение тоже существует, но оно существует также и в рамках одной лишь волевой номинации: власть тоже может, пусть и редко, придумывать описательные названия — по каким-то местным объектам, существующим или же рудиментарным, в виде исторической памяти. В то время как стихийная номинация никогда не занималась чествованиями: народные названия обычно возникали по каким-то объектам, и если в них и присутствуют чьи-то имена, то они проникли в топонимику не через коммеморативную, а описательную функцию, в расчёт принимались лавка, дом, завод и проч. некоего видного владельца.

…В изящной литературной форме Дейдр Маск преподносит читателю разные топонимические истории, большие и малые. Упомянем некоторые.

Это номинативная практика первых колонизаторов Америки,

английских пуритан и квакеров — основателей, в том числе «Города братской любви», *Филадельфии*: Φιλαδέλφεια на греческом означает «братолюбие». Они, и вслед за ними другие американские пионеры, предпочитали давать численные топонимы: *Первая, Вторая* и прочие *улицы* (street) — в духе эгалитарной идеологии первых религиозных поселенцев (заметим, что они при этом были рабовладельцами). В XIX в., в эпоху строительного бума в США, номинацией занимались застройщики, которым тоже было проще ставить на городских картах числительные, однако уже без каких-либо братолюбивых мыслей: пришла другая эпоха. Другой традиционный подход энергичных

застройщиков той поры — номинация в честь их жён и дочерей.

В современных больших городах, как показала Дейдр Маск, с анонимными численными адресами покончено, как и с первоначальным порывом к «равенству». Напротив, рыночная система ведёт к монетизации топонимии: названия улиц в Америке обретают свою стоимость — идёт борьба за «дорогие» адреса, ведь дом с престижным адресом стоит дороже.

Конечно, не экономика, а политика определяет городские карты.

Конфедераты на Юге США, проигравшие в гражданской войне Северу, отыгрывались в топонимике, в коммеморативной номинации по генералам-конфедератам. Ранее с этими «конфедератскими» топонимами боролись одиночки, преимущественно афроамериканцы (автор описывает одного такого упрямца, который долгие годы ходил на заседания топонимических комиссий, добиваясь чистки «расистских» топонимики). Но в самое последнее время избиение «расистских» названий развернулось в массовую кампанию — наряду со сносом памятников людям, у которых усмотрели «белую спесь». Современное «Движение за чёрные жизни» нашло резонанс на всём Западе: в августе 2020 г. в Берлине власти посчитали старинную *Мавританскую улицу* оскорбительной для небелого населения и назвали её именем одного африканского философа. Помимо «Движения за чёрные жизни», на топонимику агрессивно влияет феминистическое движение, выискивающее на городских картах выражения «женоненавистничества» и добивающееся свержения в ономастике мужского ига. Даже в милых «женских топонимах» в честь жён и дочерей, которые в прошлом использовали американские застройщики, подозревается заносчивая маскулинность, требующая искоренения.

Вслед за автором книги нельзя не поразиться вниманию, которое власть в США уделяет топонимии: по подсчётам Дейдр Маск, в главных американских городах номинативные акты занимают около 40 % от общей муниципальной документации.

Главный тезис о топонимике как инструменте власти превосходно отражён в сюжете о номинативной политике в Австрии в XVIII в. Императорское правительство тогда решило присвоить всем жилищам адреса, с нанесением их на фасадах — однако население тайком, по ночам, уничтожало адресные таблички, не без основания полагая, что тотальная номинация нужна власти, дабы эффективнее собирать налоги и бросать людей в тюрьмы.

Интересна обстоятельная глава о переименованиях в революционном Париже. Главным идеологом стал священник Анри Грегуар, проявивший себя и в других сферах: он — активный сторонник всеобщего избирательного права, запрета рабства, равноправия рас и унификации французского языка. Войдя во власть, Грегуар составил специальный топонимический меморандум, который можно приравнять к «революционному катехизису». Якобинцы им было воспользовались, развернув массовые переименования, но наступившая реакция большинство этих актов отменила.

Большой — слишком большой! — очерк посвящён *улице Бобби Сэндса* в Тегеране. Подробно рассказана в общем-то известная, особенно на Западе, биография ирландского активиста, члена Ирландской республиканской армии и зачинщика голодовки 1981 г., от неё трагически умершего. Иранцы после смерти ирландца стали развешивать самодельные адресные таблички «улица Бобби Сэндса» на той тегеранской улице, где расположено посольство Великобритании — в пику «коварному Альбиону». Спустя годы, к неудовольствию англичан, топоним в Тегеране стал официальным. При этом в самой Ирландии нет ни одной улицы, ему посвящённой. Почему? Недоумевает и автор, полагая, что ирландским властям не по душе излишний радикализм Бобби Сэндса.

Остаётся пожалеть, что Дейдр Маск прошла мимо истории русской топонимии XX в., — она нашла бы тут много примеров и пищи для размышления на тему «топонимика и политика». Но Маск — типичный западный интеллектуал, смутно представляющий реалии Восточной Европы и посткоммунистического мира. Лишь изредка автор книги упоминает редкие заинтересовавшие её обстоятельства, при этом ошибочно их интерпретируя. Так, она с удивлением сообщает, что в то время как Украина выкорчевала всю ленинскую топонимику, в России осталось около пяти тысяч названий улиц с именем Ленина. Почему? Дейдр Маск думает, что в этом выразился патриотизм русских людей, гордящихся своим выдающимся государственным деятелем. Про Китай она сообщает, что там в названиях совсем не задействованы конкретные личности, предполагая, что такова этика коммунизма, прославляющая коллектив и отрицающая культ личности. В действительности, как мы знаем, в Китайской Народной Республике всё было «с точностью до наоборот», и для отсутствия коммеморативной номинации в китайской топонимике следует искать другие резоны.

Интересен очерк о городах без топонимии, что создаёт, особенно в современности, серьёзные

социальные проблемы: люди без адресов, и следовательно, без прописки, лишаются социальной поддержки разного рода. Такое положение долгое время существовало, к примеру, в Калькутте, где на периферии возник обширный самострой и та убогая урбанизация, которая у нас получила прозвание «шанхаев». Однако власть с этим успешно борется, используя современные компьютерные методы для номинации городских объектов.

Вместе с тем, с интересом читая толстую, в 400 страниц, книгу, там и сям удостоверяешься, что, несмотря на всю ономастическую страсть, для самой Дейдр Маск топонимика — это тоже инструмент, пусть не для государственной, муниципальной, денежной власти, а для власти просвещённого, прогрессивного разума. Для неё, в отличие от нашей позиции, топоним — это не средство отличать один городской объект от другого, а некое идейное послание, орудие прогресса.

Она цитирует мудрые слова одного израильского топонимиста Маоза Азарьяху[1], сказавшего ей так: «*Карла Маркса мы обсуждать не будем, а вот про топоним «улица Карла Маркса» поговорим с удовольствием*». Но сама она думает по-другому и не может это преодолеть. Вот пример: в Дрездене в эпоху ГДР существовала площадь с названием *Юлиус-Фучик-плац*, в честь знаменитого антифашиста, автора книги «Репортаж с петлёй на шее» и лозунга «Люди, будьте бдительны!» Дейдр Маск видит в ликвидации этого топонима зловещий симптом амнезии — она совсем не рада возвращению исторического названия. Увы, как и большинство людей, она полагает, что удаление имени Юлиуса Фучика с карты Дрездена — это чуть ли не реванш нацизма, и приводит обширные фрагменты из публицистики пламенного чешского антифашиста.

…Тридцать лет тому назад большинство горожан было уверено, что удаление имени Дзержинского с карты Ленинграда — это триумф антикоммунизма, для одних вещь печальная, для других — радостная. И доказать, что это предлагается ради уважения к старине, из любви к историческому названию *Гороховая улица* было трудно. Трудно это доказать и теперь, если даже такой чувствительный к топонимии автор, как Дейдр Маск, в итоге всё-таки предпочитает обсуждать с читателем «Карла Маркса», а не само название в его честь.

[1] Готовя эту рецензию, я обнаружил интересный топонимический этюд, ему посвящённый; см.: "Пройду по Розмариновой: в честь кого называют улицы израильских городов". См.: https://stmegi.com/posts/75005/proydu-po-rozmarinovoy-v-chest-kogo-nazyvayut-ulitsy-izrailskikh-gorodov.

ВАЖНАЯ РАБОТА НЕ ДОВЕДЕНА ДО КОНЦА…

В текущей подборке «Архива топонимиста» редакция альманаха предлагает познакомиться с отражёнными в материалах ленинградской прессы принципами, которыми руководствовались городские чиновники в 1960-е гг. при формировании и изменении топонимической среды Ленинграда.

В ЧЕСТЬ КОГО НАЗВАНА УЛИЦА?

Всем сердцем любят ленинградцы свой прекрасный город. Дорога́ нам революционная слава города, носящего имя великого Ленина: здесь произошли три русские революции.

Город революции за годы Советской власти неузнаваемо изменился. Созданы ансамбли красивых многоэтажных домов. Заложены новые парки и сады. Для увековечивания в памяти поколений важнейших исторических событий, имён героев Октября, Гражданской и Великой Отечественной войн многим улицам города присвоены новые названия.

И это вполне закономерно. Ведь в названиях улиц и предприятий, площадей и проспектов отражается история города. Название улицы имеет большое общественное значение, оно напоминает о человеке, которого помнит страна, о славных революционных и трудовых традициях партии и народа.

До Октябрьской революции многие улицы города именовались в честь представителей правящих классов, владельцев домов и кабаков.

За годы Советской власти большинство этих улиц переименовано в честь выдающихся революционеров и государственных деятелей, учёных и новаторов производства, видных писателей, художников, композиторов. Но, к глубокому сожалению, эта очень важная работа не доведена до конца.

Бытуют и по сей день названия улиц и площадей, связанные с вельможами и царскими генералами, фабрикантами и купцами, монастырями и домовладельцами. В «честь» владельцев кабаков названы улицы Плуталова, Теряева, Ташлиева <Шамшева>, Полозова. Более двадцати названий улиц и переулков связаны с разными церквами и монастырями (Воскресенская, Евгеньевская, Владимирская и Греческая площади, Ильинский, Матвеевский, Шведский переулки, Троицкое

поле, Митрофаньевская дорога и т. д.).

Фамилии вельмож и царских генералов носят Белосельский проспект, Эсперова улица и Эсперов переулок, Волынский переулок.

Сохраняются названия некоторых улиц и мостов в честь фабрикантов и купцов (Басков переулок, Комаровский и Пискарёвский проспекты, Бердов, Демидов, Сутугин мосты).

Домовладельцы «представлены» Шишмарёвским, Вяземским и Исаковым переулками, Сабировской и Сазоновской улицами.

Таков далеко не полный перечень названий улиц, площадей и переулков, которые нужно переименовать.

Это тем более необходимо сделать, что многие герои Октябрьской революции, Гражданской и Отечественной войн, видные деятели партии и государства, погибшие в годы культа личности, не отражены в этой своеобразной истории нашего города. Об их жизни и героических делах в борьбе за власть Советов помнят люди старшего поколения, их имена должна знать наша молодёжь.

Думается, что исполком Городского Совета поступил бы правильно, переименовав ряд улиц в честь В. И. Невского, А. С. Бубнова, Е. Н. Егоровой, П. Е. Дыбенко, П. И. Смородина, Ф. Ф. Раскольникова, М. С. Кедрова, И. Ф. Кодацкого, М. И. Лациса, А. А. Кузнецова и многих других людей, имена которых вписаны в историю партийной организации нашего города.

А. К. Константинов,
зам. директора Института истории партии при Ленинградском промышленном обкоме КПСС

Ленинградская правда. 1963. 30 ноября

НАШИХ УЛИЦ ИМЕНА

Ленинград неузнаваемо изменился за годы Советской власти. Стёрты с лица земли трущобы окраин, давно забыто само это слово. Сегодняшние окраины — это кварталы и районы новостроек, улицы и проспекты с многоэтажными домами, торговыми центрами, кинотеатрами и школами. На месте бывших пустырей зазеленели сады, парки, скверы. С каждым годом всё хорошеет наш замечательный город.

И, конечно, немаловажно, как называются улицы, проспекты, площади, набережные, переулки. В этих названиях — своеобразная летопись истории города, революционных событий, великих битв, гремевших под его стенами. Наконец, названия магистралей — это память о героях революции, героях Великой Отечественной войны.

До Октября большинство улиц города носило фамилии представителей царствующего дома, духовенства, фабрикантов, владельцев зданий и крупных земельных участков. За последние десятилетия большинство этих улиц переименовано в честь выдающихся революционеров и государственных деятелей, учёных, видных деятелей литературы и искусства, героев Великой Отечественной войны. Работа эта продолжается и до сих пор. Недавно, например, получила новое название Колмовская улица в Московском районе, носившая имя давно забытого земельного спекулянта. На ней жил писатель-демократ Глеб Успенский. И улица теперь будет называться улицей Глеба Успенского.

Но часть старых названий, имеющих историческое значение, несомненно, должна быть сохранена.

Всего в Ленинграде около 2 тысяч проспектов, площадей, набережных, улиц и переулков. Только в послевоенные годы переименовано около одной трети их. Около 300 улиц ликвидировано. Там, где они были, теперь поднялись новые кварталы, разбиты сады и скверы.

Однако существует ещё большое количество одноимённых названий. Одних Полевых улиц насчитывается до пятнадцати. Очень много различных магистралей «новых», «малых» и «больших». Всё это создаёт неудобства для работы почты, для населения. Кое-где в районах ещё сохранились устаревшие названия улиц. Они постепенно заменяются.

В Ленинграде исторически определилась основная тематика наименования улиц и площадей, характеризующих его как город трёх революций, город морской славы, город науки, культуры, технического прогресса и героической обороны в годы Великой Отечественной войны.

При Исполкоме Ленгорсовета существует комиссия по наименованиям. Предложения поступают от широкого круга ленинградцев и жителей других городов, от различных организаций, научных учреждений, музеев. Эти предложения рассматриваются с участием общественности. Привлекаются люди различных специальностей, участники исторических событий.

Учитывая роль того или иного района в развитии города, комиссия определяет тематику для наименования улиц. Например, Невский район имеет богатое революционное прошлое. Естественно, что именно здесь должны быть проспекты Обуховской Обороны и Елизарова, улицы Бабушкина, Крупской, Ольминского, Кибальчича, улицы, названия которых говорят о революционных событиях.

В южной части Кировского района в годы Великой Отечественной войны проходила линия

обороны нашего города. И улицам района присваиваются названия, связанные с этим периодом. Закономерными здесь являются проспекты Героев, Народного Ополчения и Ветеранов, улицы Добровольцев, Переднего Края, улицы Зины Портновой и Подводника Кузьмина, Солдата Корзуна и Генерала Симоняка. О славных делах советских людей в годы Великой Отечественной войны напоминают улицы Партизана Германа, Лётчика Пилютова и другие.

Подведём итог. Наша действительность богата событиями, дала немало героев, прославивших свой город, свою Родину. Есть выбор для названий улиц и проспектов. Все они получат достойные названия. Но нам хотелось бы, чтобы в этой работе приняло участие ещё больше ленинградцев. Шлите свои предложения в «Ленинградскую правду». Причём не следует ограничиваться лишь названиями в честь героев и знаменитых людей. У нас уже есть улицы Счастливая, Светлая, Радостная, проспект Непокорённых и площадь Мужества. Дадим столь же красивые и хорошие названия другим улицам.

Е. А. Гоголев,
заместитель председателя Исполкома Ленгорсовета

Ленинградская правда. 1965. 27 мая

ИМЕНА УЛИЦ – ИСТОРИЯ ГОРОДА

Первые официальные наименования улицам Петербурга были присвоены в 1738 году по предложению «Комиссии о Санкт-Петербургском строении». Так что во многом это сама история города.

В первую годовщину Великого Октября было переименовано 50 набережных, площадей, мостов, улиц, бульваров и садов. Ушли в прошлое чуждые революционному народу названия: Большая и Малая Дворянские, Архиерейская, Миллионная и Николаевская улицы, Полицейский и Николаевский мосты, Герцогский переулок…

Пройдя испытания временем, сохранилось 21 новое название, а в некоторых случаях были возвращены прежние имена — Дворцовая площадь, Марсово поле, Невский, Суворовский, Литейный, Владимирский проспекты…

Каков порядок присвоения имён улицам?

С 1961 года при Исполкоме Ленгорсовета образована комиссия по наименованиям проспектов, улиц и площадей. <…> В состав комиссии входят представители партийных организаций, ведущих городских управлений, музеев, институтов, творческих союзов и печати.

Выбирается имя коллективно. Один предлагает, другой поправляет, третий вносит что-то совсем

новое… Обычный творческий процесс.

Какими же принципами руководствуются при наименовании улиц?

Никогда ещё наш город так быстро не развивался, как в последние годы. Застраиваются крупные районы. Это позволяет присваивать наименования целой группе одновременно.

Сейчас, например, рассматриваются предложения по наименованию улиц на Правом берегу Невы, севернее Муринского ручья (Выборгский район) и в западной части Васильевского острова.

За основу принят тематический принцип. Так, для Невского района определена революционная тема. Для новостроек Кировского района — увековечение героической обороны в годы Отечественной войны. Выборгская сторона насыщена организациями научного профиля. Отсюда и имена улицам.

Какие требования предъявляются к названиям улиц?

Прежде всего, название должно быть по возможности кратким, легко запоминающимся, красивым, не похожим и даже не созвучным уже существующим. И, конечно, оно должно быть оправданным.

А как быть с одноимёнными названиями?

Действительно, их количество значительно возросло при расширении границ Ленинграда, в основном за счёт включения в черту города бывших отдельных населённых пунктов — Ольгина, Лахты, Дачного, Ульянки, Урицка, Сосновой Поляны, Володарского, где нередко повторялись уличные названия. А ведь каждый город и посёлок имеют свои историю, своё, только ему свойственное «лицо». Такая неповторимость, естественно, должна найти отражение в названии проездов.

Комиссия по наименованиям улиц готовит предложения по устранению одноимённых названий. Эти предложения поступают в основном от исполкомов районных Советов.

Н. Козел-Александрова,
помощник заместителя председателя Исполкома Ленгорсовета

Вечерний Ленинград. 1969. 24 декабря

БЕЛОДУБРОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ

Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. Библиограф, краевед. Автор и ведущий научно-популярной программы «Былое и думы». Член Координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных и Союза писателей Санкт-Петербурга.

КАРПЕНКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Окончила факультет социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Кандидат исторических наук (2007 г.) С 2003 г. работает в Государственном музее истории Санкт-Петербурга. С 2008 г. ученый секретарь музея. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2019 г.

МАРТЫНОВ ГЕННАДИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат первого и шестого киришских открытых городских краеведческих конкурсов «Наследники бестужевских традиций» 2012 и 2017 гг. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

РЫЖКОВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения. Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга в 2008–2017 гг. и с 2019 г.

ТАЛАЛАЙ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

Окончил Ленинградский технологический институт. В первой половине 1980-х гг. совмещал работу инженера с краеведением, публиковал статьи в Самиздате, в том числе серию топонимических исследований, с 1986 г. активный участник движения за спасение городских памятников и возвращения исторических названий. С 1987 г. штатный сотрудник Ленинградского отделения Советского Фонда культуры, основатель и куратор Топонимической комиссии при этом фонде. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга в 1991–1995 гг. С 1993 г. обосновался в Италии, занимаясь изучением русско-итальянских связей. В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию «Русская Православная Церковь в Италии с начала XIX в. до 1917 г.» в Институте всеобщей истории Российской Академии наук, в настоящее время — ассоциированный сотрудник этого института. Автор многих публикаций, в том числе — один из авторов книги «Городские имена сегодня и вчера» (1990).

ТУПИЦЫНА МАРИНА ПЕТРОВНА

Окончила исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Работает специалистом по библиотечно-выставочной работе в библиотеке «МеДиаЛог» Красносельского района Санкт-Петербурга. С 2010 года занимается историей Дудергофа. Публикуется в краеведческих сборниках Красносельского района Санкт-Петербурга, в газетах «Новый Красносёл», «Красносельский район». Участник I–V Встреч потомков предпринимателей и духовенства «Птицы возвращаются к гнездовьям» в ИКК «Вятское» (2016–2020 гг.).